

Головушкин Вадим Игоревич

Захват Австрии (Операция “ОТТО”)

Событиям, предшествующим началу Второй мировой войны, а именно, захвату Австрии и Чехословакии, как правило, отводится незаслуженно мало места в нашей исторической и военной литературе.

Оккупация Австрии порой укладывается в одно слово — аншлюс. Однако за этим событием стояла многолетняя, порой скрытая от посторонних глаз, борьба различных сил и группировок, как в Европе, так и в самой Австрии.

Австрийская операция, которая по политическим и стратегическим соображениям стала первоочередной для Германии, была проведена в жизнь в феврале и марте 1938 года. После этого планирование действий вооруженных сил Германии было направлено на “план Грюн” — условное обозначение плана операций против Чехословакии.

Я попытался на основании редких документов и материалов проследить весь ход подготовки операций “Отто” по захвату Австрии. Из документов видно, какие интриги завязывались вокруг этой страны.. Отчетливо прослеживается цинизм мировых держав в отношении решения судьбы небольшого европейского государства.

С 1936 года нацистские руководители Германии начали проводить предварительную программу экспансии, которая продолжалась до марта 1939 года. Это было рассчитано на то, чтобы расширить границы, увеличить промышленные и про-

довольственные резервы и, как с промышленной, так и со стратегической точки зрения, занять такие позиции, с которых они могли бы начать еще более широкую и разрушительную кампанию агрессии. Менее чем через полтора года эта программа была осуществлена к удовлетворению нацистских руководителей.

В начале повестки дня стояли две страны — Австрия и Чехословакия. 12 марта 1938 г. Австрия была оккупирована германской армией и на следующий день присоединена к рейху.

С переходом Чехословакии в руки немцев, нацистское руководство Германии осуществило программу, которую оно изложило на совещании в Берлине еще 5 ноября 1937 г.

Если посмотреть на политическую карту Европы, которая сложилась после захвата Австрии, то бросается в глаза своеобразная “волчья пасть”, нижняя челюсть которой появилась после аншлюса Австрии — 12 марта 1938 г.. Таким образом, была окружена Чехословакия.

Следующий шаг — захват после 1 октября 1938 г. гористой Судетской области. Чехословакия оказалась еще в большей мере окруженной, ее оборона ослаблена. Затем пасть, или клещи, как сказал один из немецких генералов, сомкнулась. 15 марта 1939 г. Германия сократила свои границы, приобрела новые базы. Чехословакия была уничтожена. Оставшаяся после нее Словакия была фактически вассальной территорией, колонией Германии. После создания германских баз в Словакии становится очевидно, насколько сильно южная граница Польши, так же как и западная, была поставлена под угрозу, и были созданы условия для следующего акта агрессии, который разыгрался на Европейском континенте 1 сентября 1939 года.

В настоящей книге представлены документы и материалы Нюрнбергского процесса, из которых видны: весь цинизм и двуличие нацистской верхушки Германии и фашистской Италии; близорукость западных держав в попытке “умиротворения” зарвавшихся агрессоров.

“Австрия должна быть возвращена великой германской родине”

Со второй половины 1937 г. развитие событий в мире, все более втягивавших человечество в войну, значительно ускорилось. Фашистские государства — Германия и Италия — встали на путь форсированной подготовки войны за мировое господство. 5 ноября в Берлине состоялось тайное совещание нацистских руководителей, на котором Гитлер провозгласил основной тезис своей политики расширения “жизненного пространства”: “Для решения германского вопроса может быть только один путь — путь насилия”.

Одной из главных целей агрессивной программы гитлеровцев было уничтожение Советского Союза. Однако, большая часть немецких военных и экономистов считала, что к войне с таким сильным противником, каким являлся Советский Союз, Германия еще не подготовлена. Поэтому завоевание СССР предусматривалось лишь на завершающей фазе борьбы за господство в Европе, когда, по их расчетам, появится возможность использовать военно-экономические ресурсы всей Западной Европы. “...Война против Советского Союза, — отмечал германский дипломат Клейст, — остается последней и решающей задачей германской политики” [1. С. 76].

На первом этапе войны, говорил Гитлер, “германская политика должна иметь в виду двух заклятых врагов — Англию и Францию, для которых мощный германский колосс в самом центре Европы являлся бельмом на глазу...” [1. С. 76]. Но, прежде всего, немецкое военно-политическое руководство планировало захват Австрии и Чехословакии, что существенно усилило бы военно-промышленный потенциал рейха и улучшило его стратегические позиции как против Англии и Франции, так и против СССР.

В основе плана захвата Австрии и Чехословакии лежал расчет на использование благоприятной обстановки, которая сложилась в результате политики западных держав, отвергших предложения Советского Союза о создании в Европе системы коллективной безопасности. Политическая близорукость лидеров Запада, придавала немецким нацистам уверенность в безнаказанном уничтожении противников поодиночке. Продолжая курс на попустительство агрессии, правящие круги Анг-

лии, Франции и США в конце 1937 — начале 1938 г. предпринимают все более откровенные попытки прямого сговора с фашистскими государствами.

Наибольшую активность проявляла английская дипломатия. Хозяева Сити видели в фашистах Германии и Италии “естественных” союзников и спешили достигнуть с ними полного взаимопонимания в борьбе против “красной опасности”. Еще в 1936 г. в Кливдене — штабе британских “умиротворителей” — вынашивалась идея тайной встречи премьера Болдуина с Гитлером [10. С. 205]. Встав во главе кабинета, Чемберлен вернулся к этому вопросу. Было принято решение направить для доверительной беседы с нацистским диктатором одного из столпов кливденской клики — Галифакса, входившего в состав кабинета в качестве лорда — председателя совета.

19 ноября 1937 г. в Оберзальцберге состоялась встреча Галифакса с Гитлером. Британский представитель, назвав Германию “бастионом Запада против большевизма”, сообщил о желании своего правительства достигнуть “лучшего взаимопонимания” с Германией, чтобы в дальнейшем при участии Франции и Италии создать основу для “продолжительного мира в Европе” [1. С. 77].

Гитлер без труда узнал в предложениях Галифакса знакомые черты антисоветского “пакта четырех”, создание которого оставалось идеей фикс английской дипломатии на протяжении всего предвоенного периода. Глава рейха выдвинул свои условия: снять с Германии “моральное и материальное клеймо Версальского договора” и пересмотреть в ее пользу судьбу колоний, которых Германия лишилась в итоге Первой мировой войны.

Выразив готовность английского правительства в дальнейшем вернуться к колониальной проблеме, Галифакс поспешил перейти к обсуждению вопросов об изменениях в европейской системе государств. “К этим вопросам, — заявил он, — относятся Данциг, Австрия и Чехословакия. Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции...” [1. С. 77]. Таким образом, если еще недавно немецкая дипломатия могла только догадываться о том, что британское правительство “втихомолку” сбросило со счетов страны Центральной Европы, то теперь она получила подтверждение из уст его официального представителя.

Происходила быстрая смена курса и во французской политике: от союза с СССР и коллективной безопасности к тайному сговору с гитлеровцами и предоставлению им “свободы действий” на Востоке. Осенью 1937 г. в Париже премьер-министр Франции Шотан обсуждал с эмиссаром Гитлера Папенем европейские проблемы. Выразив полное понимание намерений Германии усилить свое влияние в Центральной и Восточной Европе, премьер заявил: “Передайте фюреру, что, если бы мы сумели с ним перевести европейские отношения на новую, более здоровую основу, это было бы крупной вехой в мировой истории” [1. С. 77].

В том же направлении действовала и американская дипломатия. Представители США устанавливали все более тесные контакты с гитлеровцами. В ноябре 1937 г. посол Соединенных Штатов Америки во Франции Буллит встретился с Герингом и президентом рейхсбанка Шахтом. Геринг проинформировал Буллита, что Германия в ближайшее время аннексирует Австрию и Судетскую область Чехословакии. Американский представитель не высказал никаких замечаний. В том же месяце личный адъютант Гитлера капитан Видеман посетил Нью-Йорк, чтобы договориться с американскими руководителями о предоставлении Германии “свободы рук” на Востоке [1. С. 78]. Одновременно в Сан-Франциско состоялось секретное совещание немецких дипломатов Типпельскирха и Киллингера с представителями крупнейших американских монополий. Предметом обсуждения являлись вопросы сотрудничества “в освоении богатейших рынков России и Китая” [1. С. 78].

Результаты политики поощрения агрессии не заставили себя ждать. Если в сентябре 1937 г. Гитлер полагал, что Германия в ближайшее время не будет провоцировать “взрыв” на австрийской почве, и, планируя нападение на Чехословакию и Австрию, обуславливал это благоприятными возможностями — вовлечением Франции в конфликт с Италией в связи с событиями на Пиренейском полуострове, то теперь он резко изменил тактику.

Германия начала форсированную подготовку к вторжению в Австрию. Планы ее аннексии в Берлине вынашивались давно. В программе создания “великой Германии”, изложенной в “Майн кампф”, аншлюс рассматривался в качестве первооче-

редной задачи.

Попытка захвата Австрии была предпринята гитлеровцами еще в июле 1934 г. Однако организованный ими фашистский путч в Вене и убийство австрийского канцлера Дольфуса не дали ожидаемых результатов. Италия, планировавшая широкую экспансию в Дунайском бассейне, решительно воспротивилась аншлюсу: подтянув к Бреннерскому перевалу четыре альпийские дивизии, она вынудила Гитлера отступить.

О позиции Италии по австрийскому вопросу следует сказать поподробнее. Это было время, когда отношения между Германией и Италией были не просто натянутыми, но находились на грани разрыва. Муссолини, стремившийся защитить долговременные интересы Италии в Центральной и Юго-Восточной Европе, был полон решимости воспрепятствовать реализации честолюбивых замыслов Гитлера в Австрии. 17 февраля 1934 г. он сделал заявление, к которому присоединились Великобритания и Франция, о необходимости сохранения независимости Австрии; месяцем позже он подтвердил намерение Италии противодействовать экспансии Германии вдоль итальянских северных и восточных границ, подписав итало-австро-венгерский пакт (так называемые “Римские протоколы”), который предусматривал совместные консультации в случае возникновения военной угрозы любой из этих трех стран. Когда в июле австрийские нацисты, предприняв неудачную попытку государственного переворота, перестарались, смертельно ранив австрийского канцлера Энгельберта Дольфуса, в то время как его жена и дети находились в Италии по личному приглашению Муссолини, реакция последнего на эти события была незамедлительной и весьма действенной. Он телеграфировал принцу Штарембергу, временно исполнявшему обязанности канцлера, обещая ему всяческую поддержку со стороны Италии, и отдал приказ об отправке трех итальянских дивизий к границе с Австрией, тем самым гарантируя, что его обещания не являются пустыми словами. Гитлер, осознав, что его австрийские сторонники зашли слишком далеко, вынужден был бить отбой, а тщательно маскируемая зависть Муссолини к человеку, о котором он после их первой встречи презрительно отзывался как об “этом сумасшедшем маленьком клоуне”, почти переросла в ненависть.

“Именно Гитлер, заявил он (Муссолини – Г.В.) князю

Штарембергу, является виновником убийства Дольфуса и несет полную ответственность за все, что случилось в Австрии. Гитлер – это “ужасное, сексуальное, дегенеративное создание”, “чрезвычайно опасный идиот” [6. С. 112].

Гнев Муссолини вполне понятен. Существовала реальная угроза не только независимости Австрии, но и безопасности Италии, не говоря уже о том, что 300 000 бывших австрийских граждан, населявших северную, теперь уже итальянскую, область Трентино-Альто-Адидже, становились непосредственным объектом подрывной деятельности германского национализма.

Однако через короткое время, когда Италию осудила вся Западная Европа (за исключением Германии) за агрессию против Абиссинии, Муссолини меняет свои ориентиры на 180 градусов. ...“В голове Муссолини созрела и вышла на первый план идея альянса с некой могущественной страной, которая в открытую не противодействовала планам дуче” [6. С. 114].

Этот поворот отрицательно сказался на положении Австрии. “Ибо Муссолини, отвергнутый Западными державами, более не мог столь же успешно выступать в защиту независимости Австрии и должен был быть благодарен за то, что ее независимость все еще, пусть номинально, но сохраняется” [6. С. 124].

Участие Италии в войне в Абиссинии и Испании истощили ее ресурсы. Гитлер мог более не опасаться чрезмерно твердой позиции, занимаемой Муссолини по австрийскому вопросу, который, по убеждению Гитлера, должен решаться Германией так, как она этого пожелает.

К началу 1938 г. энтузиазм Муссолини от сближения с Германией несколько поостыл. В течение всей зимы его не оставляла мысль о возобновлении немецкой угрозы в отношении независимости Австрии, но Гитлер не посчитал нужным информировать его о своих планах. Шушниц, австрийский канцлер, после подписания австро-германского соглашения в июле 1936 г. попытался выиграть время, идя на уступки, стремясь избежать нацистского путча в Австрии. 12 февраля он отправился в Берхтесгаден для беседы с Гитлером. “Фюрер вел себя самым оскорбительным образом, прибегая к угрозам” [6. С. 139]. Шушниц были предъявлены далеко идущие требования, о которых итальянцы не были заранее поставлены в извест-

ность. По поручению Муссолини министр иностранных дел Италии Чиано довел до сведения немцев, что дуче всем этим весьма недоволен, но дальше устного протеста итальянцев, если его можно было назвать таковым, дело не пошло. Муссолини знал, что он будет вынужден уступить, если действия Гитлера примут настолько угрожающий характер, что смогут спровоцировать войну. Когда через месяц Шушниг предпринял опасный, хотя и мужественный шаг, объявив о том, что он проведет плебисцит в Австрии, предложив населению высказать мнение по поводу аншлюса, Муссолини заявил, что это решение Шушнига является ошибкой. В ответ Гитлер назначил на субботу 12 марта, вступление немецких войск в Австрию. В четверг, 10 марта, он направил дуче письмо, которое ему должен был вручить в Риме личный посланник фюрера, принц Филипп Гессенский, сторонник нацистов, женатый на дочери короля Италии, принцессе Мафалде.

“В настоящее время, - писал Гитлер, - я преисполнен решимости восстановить законность и порядок в моем отечестве. Со всей ответственностью я хочу заверить Ваше Превосходительство, Дуче фашистской Италии: 1) я рассматриваю этот шаг всего лишь как необходимую меру в целях национальной самообороны... 2) В критический для Италии час я подтверждаю непоколебимость моих добрых чувств по отношению к Вам. Прошу Вас не сомневаться в том, что они и в будущем не претерпят никаких изменений. 3) Какие бы последствия ни повлекли за собой предстоящие события, я начертал четкую границу между Германией и Францией и сейчас провожу такую же четкую границу между Италией и нами. Это – Бреннер. Принятое мною решение никогда не будет подвергнуто сомнению, ни, тем более, изменениям” [6. С. 140].

Хотя Гитлер был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы заполучить согласие Муссолини на невмешательство Италии в австро-германский конфликт, подобно тому, как в 1934 г. Германия оставалась в стороне при подготовке вторжения итальянских войск в Абиссинию, тем не менее, он принял решение осуществить захват Австрии в любом случае, и пока принц Гессенский находился на пути в Рим, приказ о приведении в действие операции “Отто” был уже отдан. К тому времени, когда Муссолини получил письмо Гитлера, он был уже в курсе всех событий. Дуче понимал, что с его стороны противодейст-

вие планам Гитлера бесполезно. Более того, еще со времен визита Шушнига в Берхтесгаден дуче решил, что такое противодействие Италии ничего не даст. Единственное, на что он теперь рассчитывал, так это на то, что изъяснив готовность признать аншлюс, он сможет извлечь для Италии выгоду. Около половины десятого вечера в пятницу, 11 марта, принц Филипп из Рима связался по телефону с Гитлером, чтобы сообщить ему о реакции дуче на письмо фюрера.

“Я только что возвратился из Палаццо Венеция, - проинформировал Гитлера принц Филипп, - дуче воспринял содержание Вашего письма в весьма дружелюбной манере. Он передает Вам свои наилучшие пожелания...” [6. С. 141]

Гитлер вздохнул с невероятным облегчением. Он прекрасно помнил, как Муссолини однажды с присущей ему страстью заявил, что Италия “никогда не сможет позволить, чтобы Австрия – этот оплот Средиземноморья – стала жертвой пангерманизма” [6. С. 141]. Теперь он получил поддержку дуче, в которой до последнего момента не был полностью уверен.

Гитлер: Прошу вас, передайте Муссолини, что я всегда буду это помнить.

Филипп: Да.

Гитлер: Всегда, всегда, всегда, чтобы ни случилось... Как только проблема с Австрией будет решена, я буду готов идти с ним рука об руку, не важно, что бы там ни случилось.

Филипп: Да, мой фюрер.

Гитлер: Запомните, я готов пойти с ним на любое соглашение... Сообщите дуче, что я несказанно благодарен ему: никогда, никогда я не забуду его поддержку.

Филипп: Да, мой фюрер.

Гитлер: Я никогда этого не забуду, что бы там ни случилось. Если ему когда-нибудь понадобится моя помощь или он окажется в опасности, то он должен быть уверен в том, что я буду рядом с ним, что бы там ни случилось, даже если весь мир встанет против него.

Филипп: Да, мой фюрер [6. С. 141].

Два дня спустя Гитлер повторил свои заверения в том, что он безгранично благодарен Муссолини: “Я всегда буду с благодарностью помнить о Вашей поддержке”, - сообщил он в телеграмме, направленной из Австрии, которая уже была официально объявлена “провинцией германского рейха” [6. С.

141-142].

“Даже много лет спустя, он часто подчеркивал, как бескорыстно с позиций государственного деятеля вел себя Муссолини, когда дал свое согласие на ввод германских войск в Австрию, - он, Гитлер, будет ему вечно благодарен, ибо Австрия в качестве нейтрального буфера была для Италии наиболее благоприятным решением; теперь же немецкие войска стоят на Бреннере, что с течением времени неизбежно станет для Италии внутривнутриполитической проблемой” [8. С. 151.].

“Моя позиция, - отвечал Муссолини, - определена дружбой между нашими двумя странами, которая освящена Осью” [6. С. 142].

Однако эту его новую позицию еще следовало объяснить возмущенной итальянской общественности, которая всего лишь несколько месяцев назад внимательно выслушивала решительное заявление дуче, гласившее, что “независимость Австрии, ради которой отдал свою жизнь Дольфус, является тем самым принципиальным фактором, из-за которого сражались и будут сражаться итальянцы”. Сделать это было невозможно, просто отмахнувшись от Австрии, как он это позволили себе в беседе с Чиано, заявив, что эта страна является “двусмысленностью, которую стерли с карты Европы”. Потрясение Италии от аншлюса не смогло разрушить “Ось”, но безоговорочной, как ранее, популярности у Муссолини уже не было. Не говоря уже о внезапном и малодушном изменении политики, принятом только для того, чтобы задобрить опасного союзника, ни один мало-мальски здравомыслящий обозреватель не мог не отметить растущую угрозу для Италии со стороны сильной и воинственной Германии, продвинувшей свои границы до Альп. Итальянская внешняя политика была скомпрометирована” [6. С. 142].

А вот как оценил новую ситуацию для Италии в связи с аншлюсом Австрии У. Черчилль. “Насильственный захват Австрии нацистской Германией приводит Италию в непосредственное соприкосновение с гораздо более сильной и агрессивной державой; немецкие вожди уже говорят о том, что открыт путь к Средиземноморскому бассейну...” [7. С. 39-40.] Такова была роль и участь Италии во всей этой неблагоприятной истории.

Активную роль в подготовке и осуществлении аншлюса

сыграла немецкая разведка. Руководствуясь указанием Гитлера, что “Австрия должна быть возвращена великой германской родине” [1. С. 78], спецслужбы рейха с 1933 г. развернули бурную деятельность против этой страны. По плану “Отто” на них возлагался подрыв ее изнутри с последующим захватом власти нацистами.

Основными направлениями подрывной деятельности немецкой разведки в Австрии являлись: проведение в широких масштабах нацистской агитации и пропаганды, направленной на подрыв государства; создание разветвленных фашистских организаций, групп и вооруженных формирований и руководство их антиправительственной деятельностью; создание широкой агентурной сети в наиболее важных звеньях государственного аппарата; активная поддержка нацистов в их стремлении захватить власть. С этой целью разведывательные органы Германии направляли в Австрию своих кадровых разведчиков и агентов под видом коммерсантов, членов “германо-альпийского союза”, спортсменов и т. п. Активной подрывной деятельностью занимались и сотрудники германского посольства в Вене.

Немецкая разведка опиралась на существовавшие в Австрии нелегальные фашистские организации; установив контакт с главарями этих организаций, она направляла и координировала их подрывную деятельность.

Спецслужбы Германии оказывали австрийским нацистам большую и разностороннюю помощь. В их распоряжение систематически переводились значительные суммы денег; только в декабре 1935 г. “австро-германскому комитету помощи” поступило из Германии 110 тыс. марок. В 1936 г. по указанию гитлеровского министра Шахта австрийским фашистам ежемесячно переводилось 200 тыс. марок. В целях конспирации деньги адресовались определенным промышленным предприятиям Австрии, откуда передавались фашистам.

Немецкая разведка по нелегальным каналам поставляла в Австрию оружие, боеприпасы и другое снаряжение; в страну систематически забрасывалось большое количество нацистской литературы.

Наряду с использованием существовавших в Австрии фашистских организаций, немецкая разведка принимала меры к созданию новых. Именно с ее помощью возник ряд штурмо-

вых и охранных отрядов, которые действовали под непосредственным руководством одного из главарей немецкой разведки — Кальтенбруннера.

Для подготовки аншлюса спецслужбы Германии, опираясь на свою агентуру, совместно с австрийскими нацистами прибирали к рукам основные звенья государственного аппарата. В результате нажима на канцлера и президента через завербованных чиновников правительственных учреждений нацистам удалось назначить своих агентов на важные государственные посты.

В течение 1936—1937 гг. сотрудники разведывательных органов Германии и австрийские фашисты сумели проникнуть в департамент канцлера, главную дирекцию общественной безопасности, в министерства финансов, юстиции, торговли, обороны, путей сообщения, в политическую дирекцию Вены, секретариат президента и другие важнейшие государственные учреждения. В результате к 1938 г. агентура немецкой разведки совместно с австрийскими фашистами фактически держала в своих руках ключевые позиции в австрийском государстве.

Создавшуюся ситуацию разведывательные органы Германии использовали не только для получения шпионской информации, но и для оказания серьезного давления на канцлера, президента и других членов правительства Австрии с целью заставить их проводить выгодный для Германии политический курс и, в конечном счете, направленный на поглощение австрийского государства Германией.

Активной подрывной деятельности немцев в большой мере содействовала позиция австрийского правительства, а также стоявших за его спиной финансовых и промышленных кругов. Во внешней политике австрийские правящие круги все больше шли на сотрудничество с фашистскими государствами.

Важным шагом на пути осуществления экспансионистских планов немцев явилось австро-германское соглашение, заключенное в июле 1936 г. Хотя формально Германия и признавала суверенитет этой страны, она навязала австрийскому правительству проведение в отношении рейха политики, которая вытекала из того, что Австрия является “немецким государством” [9. Т. 4 С. 464]. Практически Австрия оказалась в фарватере внешней политики Германии.

В начале января 1938 г. австрийские фашисты получили из

Берлина указание о подготовке к путчу. 4 февраля было объявлено о реорганизации центрального аппарата рейха и командования вермахта. Гитлер сосредоточил в своих руках функции главы государства и верховного главнокомандующего. Вслед за этим Германия приступила к реализации своего агрессивного замысла в отношении Австрии.

7 февраля австрийский канцлер Шушниг получил приглашение прибыть в резиденцию Гитлера в Берхтесгадене (Баварские Альпы). Для устрашения австрийского канцлера Кейтель в его присутствии доложил фюреру о готовности германской армии к вторжению в Австрию. Гитлер вынудил Шушнига подписать протокол, который фактически предусматривал установление германского контроля над внешней политикой Австрии, легализацию деятельности австрийских национал-социалистов, назначение ряда австрийских нацистов на ключевые правительственные посты. Немецкому агенту Зейс-Инкварту был предоставлен пост министра внутренних дел и министра безопасности.

Весь этот спектакль с приглашением был разыгран Гитлером и его окружением безукоризненно. Гитлер, в коричневой рубашке штурмовика и черных брюках, встретил австрийского канцлера и его помощника возле входа в резиденцию. Его приветствия показались Шушнигу чересчур официальными. Через несколько минут он остался наедине с Гитлером в просторном кабинете на втором этаже. За окнами разворачивалась величественная панорама: Альпы в снежных шапках и Австрия - родина обоих собеседников.

Курту фон Шушнигу исполнилось сорок один год. Все, кто знал его, согласятся, что это был человек с безупречными манерами австрийского аристократа, поэтому неудивительно, что разговор он начал с красивых слов о великолепном виде из окна, отменной погоде, сказал несколько лестных слов о кабинете, который, несомненно, был свидетелем многих встреч, оказавших огромное влияние на развитие событий. Гитлер перебил его: "Мы встретились здесь не для того, чтобы обсуждать вид из окна или беседовать о погоде". И тут разразилась буря. Как вспоминал позднее австрийский канцлер, последовавший затем двухчасовой разговор походил в некотором роде на монолог. Позднее доктор Шушниг записал по памяти в сво-

их мемуарах то, что он назвал “важными отрывками” разговора. И хотя это не дословная запись, всякий, кто слышал или изучал нескончаемые высказывания Гитлера, поймет, что звучит это вполне правдоподобно. Ее правдивость подтверждают не только дальнейший ход событий, но и те, кто присутствовал в тот день в Бергхофе, в частности Папен, Йодль и Гвидо Шмидт. Ниже приводится отрывок из книги Шушнига “Реквием по Австрии” и письменных показаний в Нюрнберге.

“Вы сделали все, чтобы не проводить дружественную политику, - кипел Гитлер. - Вся история Австрии - это непрекращающаяся государственная измена. Так было в прошлом, и сейчас не лучше. Этому историческому парадоксу пора положить конец. И я могу сказать вам прямо сейчас, герр Шушниг, что твердо намерен положить этому конец. Германский рейх - одна из великих держав, и никто не повысит голоса, если она решит свои пограничные проблемы”.

Шокированный вспышкой Гитлера, обходительный австрийский канцлер старался казаться спокойным, но отстаивал свою точку зрения. Он заметил, что имеет несколько иной, чем у хозяина, взгляд на роль Австрии в германской истории. “Вклад Австрии в этом отношении, - настаивал он, - весьма велик”.

Гитлер: Ноль. Я говорю вам, абсолютный ноль! На протяжении всей истории Австрия саботировала любую национальную идею.

Шушниг: Все равно, герр рейхсканцлер, вклад Австрии нельзя отделить от общей картины германской культуры. Возьмите, например, Бетховена...

Гитлер: Ах, Бетховена? Позвольте вам заметить, что Бетховен родился в низовьях Рейна.

Шушниг: Но жить он пожелал в Австрии, как и многие другие...

Гитлер: Очень может быть. Но я еще раз повторяю, что так больше продолжаться не может. На меня возложена историческая миссия, и я эту миссию выполняю, потому что судьба избрала для этой цели именно меня... Кто не со мной, тот будет уничтожен... Я направил Германию по самому трудному за всю ее историю пути; я добился того, чего не добивался никакой другой немец. И не с помощью силы, позвольте вам заметить. Меня питает любовь моего народа...

Шушниг: Герр рейхсканцлер, я охотно верю этому. После часового разговора Шушниг попросил своего противника изложить жалобы. “Мы сделаем все, - сказал он, - чтобы устранить препятствия, стоящие на пути взаимопонимания, насколько это возможно”.

Гитлер: Это вы так говорите, герр Шушниг. Но я вам говорю, что намерен решить так называемый австрийский вопрос тем или иным способом.

Потом он пустился в пространные рассуждения, обвиняя Австрию в том, что она укрепляет границу с Германией. Это обвинение Шушниг отверг.

Гитлер: Послушайте, неужели вы думаете, что можете передвинуть камень в Австрии, чтобы я не узнал об этом уже на следующий день? ... Мне достаточно приказать, и вся ваша нелепая система обороны в одну ночь разлетится на мелкие кусочки. Вы же не думаете, что сможете задержать меня хотя бы на полчаса, верно? ... Мне бы очень хотелось уберечь Австрию от этого, потому что такая мера приведет к кровопролитию. Вслед за армией двинутся отряды СА и австрийский легион. И никто не сможет остановить их справедливого гнева, даже я!

После этих угроз Гитлер грубо напомнил Шушнигу, называя его по фамилии, не упоминая его ранга, как того требует дипломатический этикет, об изоляции Австрии и, следовательно, ее беспомощности.

Гитлер: И не думайте, что кто-нибудь сможет помешать мне. Италия? У меня полное взаимопонимание с Муссолини... Англия? Англия и пальцем не пошевелит ради Австрии... Франция?

Он заметил, что Франция могла бы остановить Германию в Рейнской области, и тогда ия будут развиваться своим чередом. Подумайте, герр Шушниг, хорошенько подумайте. Я могу ждать только до сегодняшнего вечера...”

Шушниг поинтересовалсяей “пришлось бы отступить. А теперь поздно”.

И, наконец, Гитлер заявил: “Я даю вам еще одну возможность, последнюю, прийти к соглашению, герр Шушниг. Или мы с вами находим решение, или событ, какие конкретные условия ставит германский канцлер.

“Мы можем обсудить их после полудня”, - сказал Гитлер.

Во время обеда Гитлер, что с удивлением отметил Шуш-ниг, пребывал в отличном настроении. Он говорил о лошадях и домах. Он собирался строить самые высокие в мире небоскребы. “Американцы увидят, - говорил он Шушнигу, - что в Германии дома строят выше и лучше, чем в Соединенных Штатах”. Что касается измотанного австрийского канцлера, то он, как заметил Папен, “был взволнован и озабочен”. Шушниг слыл заядлым курильщиком, но в присутствии Гитлера курить ему не разрешили. Правда, после кофе, когда все перешли в соседнюю комнату, Гитлер извинился и вышел, и Шушнигу удалось покурить. Тогда же у него появилась возможность сообщить заместителю министра иностранных дел Гвидо Шмидту о плохих новостях. Однако вскоре положение еще больше ухудшилось.

После того как австрийцы прождали два часа в небольшой приемной, их провели в комнату, в которой находились Риббентроп, и Папен. Риббентроп протянул им два машинописных листка проекта “соглашения” и добавил, что это окончательные требования Гитлера и обсуждать их он не намерен. Австрийцы просто должны их подписать. Шушниг вспоминал, что почувствовал облегчение, получив наконец-то от Гитлера нечто определенное. Но стоило ему прочесть документ, как облегчение испарилось. Фактически это был немецкий ультиматум Австрии, согласно которому от Шушнига требовали передать власть нацистам в течение одной недели.

В ультиматуме содержались также требования снять запрет на австрийскую нацистскую партию, амнистировать нацистов, находившихся в тюрьме, пронацистского венского адвоката доктора Зейсс-Инкварта сделать министром внутренних дел, причем в его ведении должны были находиться полиция и служба безопасности. Для другого нациста - Глейзе-Хорстенау предназначался пост военного министра. Германская и австрийская армии должны были установить более тесные связи, для чего намечался ряд мер, в том числе обмен офицерами в количестве ста человек. “Будет проведена подготовка, - гласило последнее требование, - включения Австрии в экономическую систему Германии. Для этого доктор Фишбек будет назначен на пост министра финансов”.

Шушниг вспоминал позднее, что сразу понял: подпиши он такой ультиматум, это будет означать конец независимости

Австрии.

"Риббентроп советовал мне принять требования сразу. Я возражал и ссылался на предшествующие соглашения, подписанные с фон Папеном перед приездом в Берхтесгаден. Я дал понять Риббентропу, что не ожидал таких необоснованных требований..."

Но был ли Шушниг готов принять их? Что он не одобрял их - было понятно всем, даже Риббентропу. Вопрос заключался в том, подпишет ли он их. И в этот решающий момент молодой австрийский канцлер дрогнул. Он робко осведомился, может ли рассчитывать на добрую волю со стороны Германии - иными словами, намерено ли правительство рейха соблюдать условия соглашения. Он уверял, что получил "утвердительный" ответ.

Потом его принялся обрабатывать Папен. Изворотливый посол выразил "удивление", прочитав ультиматум: "Это же незаконное посягательство на суверенитет Австрии!" Шушниг вспоминает, что Папен долго извинялся и выражал недоумение по поводу условий ультиматума, и, тем не менее, он посоветовал австрийскому канцлеру принять условия фюрера.

"Потом он стал убеждать меня, что я могу быть уверен в том, что если соглашусь на эти условия, то Гитлер позаботится, чтобы Германия соблюдала условия договора, а у Австрии в дальнейшем не возникало никаких трудностей".

Шушниг, как следует из его заявлений, в том числе сделанных письменно в Нюрнберге, стал поддаваться, пав жертвой собственной наивности.

У него оставался последний шанс. Его снова позвали к Гитлеру. Когда Шушниг вошел, фюрер ходил взад-вперед по кабинету.

Гитлер: Герр Шушниг... вот проект документа. Обсуждать тут нечего. Я не отступлю от своих требований ни на йоту. Или вы подпишете его и выполните мои требования в течение трех дней, или я отдаю приказ войскам вступить на территорию Австрии.

Шушниг сдался. Он заявил Гитлеру, что готов подписать документ, но напомнил, что по австрийской конституции только президент республики имеет право подписывать такой документ и отвечать за соблюдение условий. Он, конечно, постарается убедить президента принять условия фюрера, но га-

рантировать ничего не может.

“Вы должны гарантировать это!” - закричал Гитлер.

“Но как же я могу, герр рейхсканцлер?” - именно так, по утверждению Шушнига, он ответил.

Услышав его ответ, Гитлер, по словам Шушнига, казалось, потерял контроль над собой. Он подбежал к двери, открыл ее и громко крикнул: “Генерала Кейтеля!” Потом повернулся к австрийскому канцлеру и сказал: “Вас позовут позже”.

Это был чистый блеф, но встревоженный австрийский канцлер, видя вокруг себя столько генералов, мог этого и не знать. Папен пишет, что Кейтель позднее рассказал ему, как Гитлер встретил его широкой улыбкой, а когда он спросил, какие будут приказы, ответил: “Никаких. Просто я хочу, чтобы вы были здесь”.

Но на Шушнига и доктора Шмидта, ожидавших в приемной, это произвело впечатление. Шмидт, прошептал, что он не удивится, если их через пять минут арестуют. Через полчаса Шушнига снова проводили к Гитлеру.

“Я решил изменить свое решение - впервые в жизни, - сказал Гитлер. - Но предупреждаю вас, что это ваш последний шанс. Даю вам еще три дня на выполнение условий соглашения”.

Германский диктатор пошел на уступки. Формулировки в окончательном варианте соглашения были немного сглажены, но суть условий, как показал в дальнейшем Шушниг, почти не изменилась. Шушниг подписал соглашение, что явилось смертным приговором для Австрии.

Поведение людей, на которых оказывается сильное давление, зависит от их характера и часто непредсказуемо. То, что Шушниг, ветеран политической арены, несмотря на свой относительно молодой возраст, видевший убийство своего предшественника нацистами, был человеком смелым, вряд ли кто возьмется оспаривать, однако его капитуляция перед Гитлером 11 февраля 1938 года под угрозой военного нападения на страну посеяла сомнение в душах его соотечественников и тех, кто наблюдал за тем, как разворачивались события в тот мрачный период, в том числе и историков. Была ли капитуляция неизбежна? Существовала ли альтернатива? Только сгоряча можно утверждать, что Англия и Франция согласились бы прийти на помощь Австрии, напади на нее тогда Гитлер, осо-

бенно если вспомнить, как они реагировали на последующие акты его агрессии. Но Гитлер до сих пор не пересекал границ Германии, он не подготовил ни немцев, ни весь мир к возможности открытой агрессии. Германская армия была не настолько отмобилизована, чтобы вести войну против Франции и Англии в случае их вмешательства. Через несколько недель, в результате берхтесгаденского соглашения, Австрия уже будет приведена собственными нацистами и махинациями Гитлера в такое состояние, что он с гораздо меньшим, чем 11 февраля, риском сможет захватить страну, не вызывая при этом вмешательства других государств. Сам Шушниг позднее вспоминал, что именно тогда он понял: принятие условий Гитлера означало “полную потерю австрийским правительством своей независимости”.

Может, тяжелое испытание сломило его. После того как он буквально под дулом пистолета поставил свою подпись под соглашением, лишив тем самым свою страну независимости, он имел странный разговор с Гитлером, который позднее изложил в своей книге. “Полагает ли герр рейхсканцлер, - спросил Шушниг, - что различные кризисы в современном мире возможно разрешить мирным путем?” На это фюрер глупо ответил, что да, и добавил: “Если следовать моим советам”. И тут Шушниг сказал без малейшего сарказма: “Вы не считаете, что в настоящий момент положение в мире обнадеживающее?”

Подобный вопрос в тот момент кажется невероятным, но именно это произнес поверженный австрийский канцлер. Однако у Гитлера было припасено еще одно унижение, через которое должен был пройти Шушниг. Когда он предложил вставить в газетный репортаж мысль о том, что во время встречи было подтверждено желание соблюдать договор от июля 1936 года, Гитлер воскликнул: “О нет! Сначала вы должны выполнить условия нашего соглашения. А пресса напишет вот что: “Сегодня фюрер и рейхсканцлер встретился в Бергхофе с австрийским канцлером. И все”.

Итак, реализация протокола означала бы ликвидацию независимости Австрии. Однако, под давлением недовольных народных масс 9 марта Шушниг объявил, что через три дня назначается плебисцит, который решит будущее Австрии. Это,

в свою очередь, грозило провалом подготовленного немцами захвата Австрии путем “мирной эволюции”.

...“Шушниг становился все более определенным ... и под конец (имеется в виду радио-обращение Шушнига к австрийскому народу 9 марта 1938 г. – Г.В.) известил о проведении референдума, с тем, чтобы австрийский народ сам решил, хочет он независимости или нет, а в завершение Шушниг обратился к согражданам на венском диалекте: "Ребята, час пробил!"” [8. С. 150]. Утром 10 марта Гитлер потребовал немедленного осуществления плана “Отто” — вторжения в Австрию. Приготовления к вторжению были крайне просты. Они касались только 8-го армейского корпуса, расположенного вблизи австрийской границы. Не было никакой мобилизации. Ее и не могло быть – мобилизационный механизм не был еще готов.

Приказ 11 марта содержит в себе многозначительную фразу: “На прочих германских границах в настоящий момент никаких мер безопасности не принимать” [3. С. 54.]. Гитлер отказывался от попытки оградить свою операцию от возможной иностранной интервенции. Он знал, что он не в состоянии этого сделать и предпочитал действовать в открытую.

В ответ на опасения военных специалистов фюрер заявил, что ни Англия, ни Франция не поддержат Австрию [9. Т. 4. С. 514-515]. Утвержденная 11 марта директива № 1 предусматривала проведение операции желательно “в форме мирного вступления” [11. Т. 34. С. 336]. Тем временем Зейсс-Инкварт потребовал отсрочки плебисцита.

Австрийское правительство пыталось найти поддержку у Англии, но получило категорический отказ [9. Т. 4. С. 521-522]. Франция в эти дни переживала правительственный кризис: не желая брать на себя ответственность за позицию страны в отношении Австрии, Шотан 10 марта ушел в отставку.

11 марта правительство Австрии капитулировало. На рассвете следующего дня германская армия приступила к оккупации страны.

Поход на Вену напоминал увеселительную прогулку. “Пришлось, - говорит Иодль, - отдать приказ, чтобы шоферы не снимали своих очков, иначе они могли бы быть ранены букетами цветов, которые им непрерывно бросали” [3. С. 55.].

Этот триумф скрывал ничтожество германской армии. Сам

Иодль признает, что большинство шоферов, которых забрасывали цветами, еще не умели, как следует, управлять своими машинами. Только 60% из них могли доехать до Вены. Войска, присоединившие Австрию к Германии, не были способны к серьезной битве.

14 марта Гитлер подписал указ, по которому Австрия объявлялась провинцией рейха. На австрийских антифашистов обрушились репрессии, десятки тысяч патриотов были брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря. 10 апреля в Австрии проходил референдум. Голосующий должен был ответить на вопрос: “Согласен ли ты с происшедшим воссоединением Австрии с германской империей?” В обстановке разнузданной демагогической пропаганды и террора, а также прямой фальсификации итогов голосования из 4 млн. 484 тыс. бюллетеней 4 млн. 453 тыс. были признаны содержащими ответ “да” [12. С. 363].

Не дожидаясь конца комедии с референдумом, западные державы признали захват Австрии свершившимся фактом и преобразовали свои дипломатические представительства в Вене в генеральные консульства.

Нюрнбергские документы содержат признание военачальников германской армии: западным державам достаточно было поднять палец, чтобы остановить Гитлера.

“Германская армия, - говорит Кейтель, - была очень слаба. Она была еще в процессе развертывания первоначальных семи дивизий Рейхсвера. У нее не было резервов. План создания армии в 36 дивизий должен был быть выполнен только в 1939 году” [3. С. 54.].

Правительства Англии, Франции и США сделали вид, что не заметили исчезновения с политической карты Европы независимого государства.

Принципиально иной была позиция СССР. Советское правительство никогда и ни в какой форме не признавало захвата Австрии. Оно решительно осудило немецкую агрессию, предупреждая о губительных последствиях, к которым может привести попустительство захватнической политике германских нацистов. “Нынешнее международное положение, — говорилось в заявлении народного комиссара иностранных дел СССР, — ставит перед всеми миролюбивыми государствами и в особенности великими державами вопрос об их ответствен-

ности за дальнейшие судьбы народов Европы, и не только Европы” [1. С. 81]. Правительство Советского Союза настаивало на немедленном обсуждении совместно с другими правительствами в Лиге наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами. Дорогой ценой заплатило человечество за то, что эти предложения Советского Союза не были поддержаны западными державами.

Захват Австрии сыграл важную роль в реализации политических и военно-стратегических планов Германии. У Гитлера окрепла уверенность в безнаказанности своих агрессивных действий. В результате аншлюса территория Германии увеличилась на 17 процентов, а население — на 10 процентов, то есть на 6 млн. 713 тыс. человек. Почти все 50 тыс. солдат и офицеров австрийской армии были включены в состав вермахта [12. С. 340]. Австрийская промышленность и экономика были подчинены военным нуждам Германии. Реконструировались старые и прокладывались новые стратегические шоссейные и железные дороги в направлении границ Чехословакии, Югославии, Венгрии, строились аэродромы. Как позже признал начальник оперативного отдела штаба верховного главнокомандования вермахта генерал Иодль, аншлюс укрепил стратегическое положение рейха.

“Мое мнение, так же как и мнение маршала Бломберга и генерала фон Фрича, было, что мы не можем пускаться ни в какую войну. Но я рассчитывал, что присоединение Австрии было вопросом лишь дипломатии, и что ситуация не представляла для нас никакой опасности” [3. С. 54.].

“Вскоре после аншлюсов Гитлер приказал доставить ему карту Центральной Европы и показал благоговейно внимающему ближайшему окружению, как Чехословакия теперь попала “в клещи” [8. С. 151].

Без единого выстрела, пользуясь невмешательством Англии, Франции и России, чьи вооруженные силы могли одолеть Гитлера, он увеличил население рейха на семь миллионов человек и занял выгодную стратегическую позицию, необычайно важную для реализации его будущих планов. Он не только окружил Чехословакию своими войсками с трех сторон, но и получил возможность выйти в Юго-Восточную Европу через Вену. В качестве столицы Австро-Венгерской империи Вена являлась центром в системе торговли и коммуникаций Цен-

тральной и Юго-Восточной Европы. Теперь этот центр находился в его руках.

Более того, Гитлер обеспечил своей армии, не потеряв при этом ни одного солдата, стратегическую позицию, которая делала Чехословакию практически беззащитной. Необходимо было воспользоваться этим обстоятельством, не теряя времени.

21 апреля, через одиннадцать дней после нацистского плебисцита в Австрии, Гитлер вызвал генерала Кейтеля, начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил, чтобы обсудить с ним операцию “Грюн”.

Итак, Чехословакия оказалась в клещах. А новая граница с нею облегчала осуществление немецкой агрессии.

Из выступления заместителя Главного обвинителя от США С. Олдермана

Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 28 и 29 ноября 1945 г. [11. Т. 2. С. 348-435, см. также 4. С. 478-518]

Господа судьи! Я уже обращал внимание Трибунала, что та часть обвинительного заключения, которая озаглавлена “Агрессивные действия против Австрии и Чехословакии”, подтверждается в значительной мере документом ПС-386, ранее представленным мною за номером США-25. Это запись совещания в рейхсканцелярии 5 ноября 1937 г., сделанная полковником Госбахом. На этом совещании Гитлер раскрыл перед присутствовавшими свои планы и назвал эти планы своим последним политическим завещанием. Он сформулировал требование Германии на большее жизненное пространство в Европе. Это было время подготовки нападения на Австрию и Чехословакию, которое должно было усилить Германию для выполнения общего плана заговорщиков в области агрессии...

Первое, к чему мы обращаемся — это события до осени 1937 года, а также стратегическое положение национал-социалистов в Австрии. Я предлагаю, если разрешит Трибунал, на этой стадии рассмотреть первые ростки того, что впоследствии стало известно под названием “пятая колонна”, то есть техника проникновения в жизнь других стран изнутри, и в этом свете, прежде всего — “национал-социалистский план поглощения Австрии”.

Для того чтобы яснее понять, как нацистские заговорщики после совещания 5 ноября 1937 г. проводили в жизнь свои планы, лучше всего рассмотреть те шаги, которые были уже предприняты в Австрии как австрийскими, так и немецкими национал-социалистами. Положение, которого достигли национал-социалисты к осени 1937 года, сделало возможным для них совершить поглощение Австрии гораздо быстрее и гораздо меньшей ценой, чем это предполагалось даже на совещании, которое записал Госбах.

Присоединение Австрии в течение долгого времени было одной из центральных целей германского национал-социализма. На первой странице “Майн кампф” Гитлер гово-

рит: “Германская Австрия должна вернуться вновь к своей германской родине”. Он продолжает далее, что “стремление к воссоединению людей одной крови в пределах одной империи не могло удовлетвориться только одним экономическим союзом”. Больше того, поглощение Австрии, начиная с 1933 года, рассматривалось как очень серьезная первоочередная цель, которую нацисты твердо решили провести в жизнь.

Документ ПС-1760, США-57 является письменным показанием, данным под присягой в Мексико (Мехико – Г.В.) 28 августа Георгом С. Мессерсмитом, послом Соединенных Штатов в Мексике. Мессерсмит был генеральным консулом США в Берлине с 1930 по 1934 год, затем он стал послом в Вене, где оставался до 1937 года...

Документ ПС-1760, США-57 — “Письменное показание Георга С. Мессерсмита”:

“С первого дня существования нацистского правительства многие высшие и второстепенные чиновники Германии говорили мне, что включение Австрии в Германию является политической и экономической необходимостью и что это включение будет совершено “во что бы то ни стало”. Хотя я здесь не могу точно сослаться на время и место, я абсолютно уверен, что в различные периоды все германские чиновники, которых я перечислил выше в своем списке, говорили мне об этом, за исключением Шахта, фон Крозика и Круппа фон Болен. Я могу удостоверить, что все в Германии прекрасно знали (я имею в виду тех, кто знал хоть что-нибудь о ходе событий), что Гитлер и нацистское правительство совершенно точно собирались провести дело именно таким образом и что единственное сомнение, которое у них возникало, — это: “как и когда и...”

В начале нацистского режима в 1933 году Германия, конечно, была слишком слабой для того, чтобы выступить с открытой угрозой силы против любой страны, как она это сделала в 1938 году. Вместо этого тогда была принята и объявлена иная политика нацистского государства; то, что потом нацисты сделали силой, тогда нужно было проводить методом, который оказался успешным в самой Германии: получить опору в кабинете, особенно в министерстве внутренних дел, которое контролировало полицию, а затем уничтожить оппозиционные элементы.

Я много раз слышал во время моего пребывания в Австрии

от канцлера Дольфуса и канцлера Шушнига, президента Микласа и других государственных деятелей Австрии, что германское правительство постоянно оказывало давление на австрийское правительство с тем, чтобы оно согласилось на включение в правительство целого ряда министров нацистской ориентации. Английский и французский послы в Вене, с которыми я работал в тесном контакте, подтверждали в разговорах со мной эту информацию на основании сведений, которые они получали в беседах с высокопоставленными нацистскими государственными деятелями”.

Далее я зачитаю отрывки об использовании давления против Австрии, включая террор и запугивание, кульминацией которого стал неудавшийся путч 26 июля 1934 г. Для того чтобы добиться своей цели, нацисты применяли давление различного рода, прежде всего экономическое. Немецкий закон от 24 марта 1933 г. устанавливал 1000 марок пошлины за путешествие в Австрию, поставив эту страну в тяжелое положение, поскольку Австрия рассчитывала в своем бюджете в большой степени на туризм.

Нацисты применяли пропаганду, террористические акты и, прежде всего, адские машины.

“Такие акты были почти постоянным явлением. Однако можно выделить три периода, в которые они достигли кульминации. Первые два из этих периодов — середина 1933 года и начало 1934 года — относятся к тому времени, когда я был еще в Берлине. Однако в течение этих периодов, как говорили нацистские государственные деятели в разговорах со мной, террор подстрекался и направлялся ими. Никто из них не отрицал в разговорах со мной, что они ответственны за деятельность австрийских террористов. Эти признания совершенно соответствовали нацистскому тезису о том, что террор необходим и должен проводиться, чтобы навязать волю партии не только в Германии, но и в других странах. Я помню, что генерал Мильх говорил особенно откровенно, что эти акты в Австрии направлялись нацистской партией. Он выразил беспокойство и заявил, что он не согласен с этой частью политики партии. Во время этого подъема волны террора в мае-июне 1934 года я уже вступил в должность полномочного посла в Вене. Террористические акты главным образом происходили на железных дорогах, в туристских центрах и против католи-

ческой церкви, являвшейся в глазах нацистов одной из самых сильных организаций, стоявших в оппозиции к ним. Я напомним, однако, что волна этих выступлений спала в период встречи Гитлера с Муссолини в Венеции в середине июня 1934 года. В это время Муссолини поддерживал австрийское правительство и в очень значительной степени был заинтересован в сохранении независимости и суверенитета Австрии. Он хотел также устранить, по возможности, нацистское влияние и активность в Австрии. В это время Гитлер не мог себе позволить пойти на открытый разрыв с Муссолини и, несомненно, согласился на кратковременное прекращение этих актов, как настаивал Муссолини, потому что хотел создать благоприятную атмосферу во время своей встречи с Муссолини.

Прекращение террора в период встречи Гитлера с Муссолини рассматривалось мной, австрийскими властями и всеми наблюдателями, в то время как открытое признание Гитлером и представляемым им германским правительством того факта, что эти акты на самом деле систематически и полностью инспирировались и контролировались Германией...

В добавление к этим террористическим актам нацисты пытались оказывать давление на Австрию с помощью "австрийского легиона". Эта полувоенная организация, включавшая несколько тысяч человек, была расположена в Германии за несколько километров от австрийской границы и представляла постоянную прямую угрозу Австрии. Ее существование, несомненно, было санкционировано нацистским правительством Германии, иначе этой организации вообще бы не существовало... Она вооружалась германским правительством и была составлена из австрийских нацистов, которые уходили из Австрии после совершения различных преступлений, а также из немцев австрийского происхождения, которых привлекала праздная жизнь в этом легионе, а также высокая плата, которую выдавали им нацисты..."

Террористические действия австрийских фашистов продолжались до 25 июля 1934 г. В этот день члены фашистской партии пытались осуществить путч в Австрии и убили канцлера Дольфуса.

25 июля 1934 г. сотня людей, одетых в форму австрийской армии, захватила федеральную канцелярию. Канцлер Дольфус был ранен при попытке бежать. В него стреляли дважды с

близкого расстояния. Здание радиостанции в центре города было захвачено, и диктора заставили передать по радио, что Дольфус ушел в отставку и что доктор Ринтелен занял пост канцлера. Хотя путч провалился, мятежники сохранили контроль над зданием канцелярии и согласились сдать его только после того, как им обещали свободный проход к германской границе. Мятежники связались с германским послом доктором Риттом по телефону, а затем встретились с ним лично в том же здании.

Примерно в 7 часов они сдали здание властям, но канцлер Дольфус умер примерно в 6 часов, даже не получив помощи от врачей. Германское правительство отрицало свою причастность к этому путчу и к этому убийству. Гитлер снял доктора Ритта с должности посла на том основании, что тот обещал мятежникам безопасный переход через германскую границу, якобы не посоветовавшись с германским правительством, и что он, таким образом, втянул германскую империю во внутренние дела Австрии без всякой на то причины...

“Путч в июле 1934 года слишком хорошо известен для того, чтобы говорить о нем здесь. Я хочу сказать здесь только, что я нисколько не сомневаюсь в том, что этот путч был организован по приказу нацистских чиновников из Германии, через их организации в Австрии, состоящие из германских и австрийских нацистов. Доктор Ритт, германский посол в Вене, был полностью информирован о том, что должно было произойти, и что было запланировано. Германское посольство было расположено как раз через улицу от британского посольства, и австрийская секретная полиция все время наблюдала за теми, кто входил в германское посольство. У Англии была своя собственная секретная служба в Вене, и ее агенты тоже все время наблюдали за людьми, которые входили в германское посольство. Как мне сообщили и британские и австрийские чиновники, многие из тех, кто потом был осужден австрийским судом как участники путча, очень часто бывали в германском посольстве. Я сам внимательно наблюдал за деятельностью доктора Ритта и никогда не сомневался, что доктор Ритт был в постоянном и систематическом контакте с нацистскими агентами как немецкого, так и австрийского происхождения. Доктор Ритт не мог не знать о путче и всех деталях, которые были с этим связаны. Я ясно помню свой разговор с

ответственными чиновниками австрийского правительства после путча. Они говорили, что доктор Ритт все время был в связи с доктором Ринтеленом, который должен был стать канцлером после Дольфуса, если бы путч удался.

Возможно, что доктору Ритту не нравилась идея осуществления путча, но совершенно точно, что он был знаком с этим планом и, несомненно, помогал проведению его в жизнь. Поскольку путч имел такое значение и явился попыткой свергнуть австрийское правительство, которая окончилась убийством доктора Дольфуса, канцлера Австрии, я решил проверить и подобрать другие доказательства, указывавшие на то, что путч проводился не только с согласия германского правительства, но и был запланирован им. Я выяснил и точно установил, что еще за месяц до путча Геббельс сказал Черутти, итальянскому послу в Берлине, что через месяц в Вене будет нацистское правительство...”

Представляю дневник посла Додда с 1933 по 1938 год, изданный в 1941 году (документ ПС-2832, США-58).

Додд, тогдашний посол США в Берлине, следующим образом описывает события того времени. Сначала он замечает, что в феврале 1934 года Эрнст Ханфиштенгель сказал, что привез послание, или фактически требование, Муссолини к Гитлеру оставить Австрию в покое и заставить замолчать и снять Теодора Габихта — германского агента в Мюнхене, который подстрекал к аннексии Австрии. 18 июня в Венеции Гитлер, как сообщалось, дал Муссолини обещание оставить Австрию в покое. Затем Додд отмечает (запись от 26 июля 1934 г.):

“В понедельник 23 июля 1934г., после нескольких террористических актов, проведенных нацистами, судно, нагруженное взрывчатыми веществами, было захвачено на Констанцском озере швейцарской полицией. Это судно везло германские бомбы в Австрию. Как это ни казалось мне ужасно, это было одно из таких частых событий, что я даже не сообщил о нем в Вашингтон...”

Сегодня я получил сведения, что вчера в 11 часов вечера правительство передало в газету официальное сообщение, в котором выражало удовлетворение по поводу падения Дольфуса и заявляло, что ему будет наследовать великая Германия. Нам также стало известно, что германский посол в Вене помо-

гал сформировать новый кабинет, он же обещал австрийским террористам, что им будет разрешено беспрепятственно перейти через границу в Германию, но в 12 часов выяснилось, что, хотя Дольфус умер, австрийцы, лояльно относящиеся к правительству, окружили захваченный нацистами дом и не дали им установить фашистский режим. Они захватили убийц. Германское министерство пропаганды поэтому запретило публикацию информации, посланной за час до этого, и постаралось изъять уже вышедшие газеты. Один из друзей передал мне сегодня экземпляр газеты. Все германские газеты горько оплакивали зверское убийство Дольфуса и заявляли, что это нападение совершено недовольными австрийцами, а не нацистами. По сообщению из Баварии стало известно, что тысячи австрийских нацистов, живших в Баварии в течение года на содержании у немцев, начали проявлять активность за 10 дней до этого события; некоторые из них незаконно переходили границу, и все они готовились к возвращению в Австрию.

Несмотря на все обещания Гитлера заставить его замолчать, германский пропагандист Габихт все еще продолжал произносить радиоречи о том, что Германии необходимо аннексировать древнюю область Габсбургов, но после того, как этот ход не удался, и все убийцы оказались в тюрьме в Вене, германское правительство начало отрицать всякую поддержку этого путча из Берлина. Я уверен, что настанет день, когда станет ясно, что много миллионов долларов и большое количество оружия посылались в Австрию для поддержки этого путча, начиная с весны 1933 года. Еще и еще раз весь мир осуждает гитлеровский режим. Никто в истории еще не был так непопулярен, как нацисты Германии. Этот последний мазок кисти завершает картину. Я думаю, что увижу в американских газетах, когда они сюда придут через несколько дней, горькое осуждение действий нацистов”.

Документ П-273, США-59 — депеша от американского консула в Вене государственному секретарю:

“Самыми замечательными моментами в праздновании (Речь идет о праздновании четвертой годовщины фашистского путча в Австрии – Г.В.) были: мемориальное собрание в Клагенфурте, столице Каринтии, где в 1934 году во время венского восстания нацисты встретили особенно горячую поддержку, и демонстрация 25 июля перед бывшей федеральной канцеля-

рией в Вене, которую провели оставшиеся в живых члены группы СС “Штандарт 89”, группы, нападавшей на канцелярию в 1934 году. Это было своего рода воссоздание преступления...

Тысячи собравшихся в Клагенфурте слушали речь заместителя фюрера Рудольфа Гесса в присутствии семей 13 национал-социалистов, которые были повешены за их участие в июльском путче. Это празднование в память июльских событий явилось также поводом для того, чтобы взять с населения клятву верности только что назначенному гаулейтеру Остмарка. С точки зрения внешнего мира выступление имперского министра Гесса было особенно знаменательно, потому что, по его словам, молодежь, женщины и мужчины Австрии должны принести жертву в борьбе за Великую Германию. Он затем стал оправдывать оккупацию Австрии и нападал на лживую иностранную печать и на тех, кто говорил о новой войне. “Мир счастлив, — заявлял Гесс, — что руководителем Германии является человек, который не позволяет, чтобы его провоцировали. Фюрер делает то, что необходимо для его народа, и трудится ради мира в Европе. Пусть провокаторы, совершенно игнорируя преднамеренную угрозу миру со стороны некоторых малых стран, лживо заявляют, что он представляет собой угрозу для мира Европы”.

Затем он остановился на путче, со времени которого прошло 4 года, и сказал, что марш на бывшую федеральную канцелярию следовал по тому самому пути, который был некогда пройден повстанцами. У канцелярии демонстрантов встретил Зейсс-Инкварт, который обратился к ним и открыл мемориальную доску, установленную от имени имперского наместника...”

Мы называем эти юбилейные торжества ратификацией убийства, совершенного за 4 года перед тем.

На этой мемориальной доске имеется надпись: “154 немецких бойца из 89-го отряда СС боролись здесь за Германию 26 июля 1934 года. 7 из них погибли от рук палача”.

Теперь я перейду к программе, которая достигает своего кульминационного пункта в акте от 11 июля 1936 г. ...Прежде всего, необходимо сказать следующее: нацистские заговорщики изображали дело так, как будто бы они уважают суверенитет и независимость Австрии, несмотря на стремление к ан-

шлюсу, о котором сказано в “Майн кампф”.

Но на самом деле они с самого начала делали все для того, чтобы уничтожить австрийское государство. Документ ПС-1760, США-57 — показания Мессерсмита: “Тот факт, что политика аншлюса оставалась неизменной, был подтвержден мне фон Папеном, когда он приехал в Вену в качестве германского посланника. Он принял это назначение, хотя и знал, что он был некогда в списке обреченных во время Варфоломеевской резни 30 июня 1934 г. Когда он в соответствии с правилами этикета нанес мне визит по приезду в Вену, я решил, что во время этой беседы мы не будем говорить ни о чем серьезном, и свел беседу только на темы самого общего характера, чего я вполне мог достигнуть, так как он посетил меня в моем служебном кабинете...”

Я счел необходимым не наносить ему ответного визита в течение нескольких недель, чтобы дать ему понять, что я знал и не симпатизировал целям его миссии в Австрии. Когда же я, в конце концов, посетил фон Папена в германском посольстве, он приветствовал меня следующими словами: “Теперь вы в моем посольстве, и я могу контролировать нашу беседу”.

В самой неприкрытой и циничной форме он стал рассказывать мне о том, что вся Восточная Европа до границ Турции является внутренним пространством Германии, и что его миссия заключалась в том, чтобы способствовать установлению германского экономического и политического контроля над всей этой областью. Затем он прямо заявил, что первым шагом должно было стать установление контроля над Австрией. Он с определенностью заметил, что в Австрии он находится для того, чтобы подорвать и ослабить австрийское правительство, и, находясь в Вене, стремится ослабить позиции других правительств Южной и Юго-Восточной Европы. Он сказал, что с этой целью намеревается использовать свою репутацию хорошего католика, чтобы установить влияние над некоторыми австрийцами, как, например, кардиналом Иннитцером. Он сказал, что говорит мне это потому, что германское правительство твердо решило добиться установления контроля в Южной Европе и ничто не может его остановить. Он также сказал, что наша политика и политика Франции и Англии нереалистичны.

Я находился в таком положении, что должен был выслушивать все, что он говорил, и, конечно, я готов был его слу-

шать, хотя знал заранее, какова была его миссия. Тем не менее, я был шокирован тем, что он говорил со мной с такой наглой откровенностью. Когда он кончил, я встал и сказал ему, насколько я шокирован тем, что аккредитованный представитель якобы дружественного государства признает, что намеревается заняться деятельностью, направленной к подрыву и уничтожению правительства этого государства. Он лишь улыбнулся и сказал, что это должно остаться между нами и что с другими он не будет разговаривать так открыто о своих целях...

Конечно, официально он торжественно заверял, что Германия будет уважать независимость Австрии, и что она лишь хочет избавиться от некоторых элементов в австрийском правительстве — от канцлера Шушнига, Штаркенберга, главы хеймвера, и других и заменить их “национально-мыслящими” австрийцами, то есть попросту нацистами. В основном усилия фон Папена заключались в том, чтобы привести к аншлюсу...

Партия была временно значительно ослаблена в результате энергичных мер, предпринятых против путчистов, и в результате возмущения общественных кругов. Вскоре началась работа по реорганизации. В октябре 1934 года австрийский министр иностранных дел Бергер-Вальденегг представил мне следующий меморандум, который как он сказал, был направлен австрийскому правительству лицом, участвовавшим в совещании, о котором идет речь ниже...

29—30 сентября 1934 г. в Бад-Айвлинге в Баварии состоялось совещание руководителей австрийской национал-социалистской партии... Агенты руководства партии в Германии получили указания подготовить в каждом районе Австрии списки всех тех лиц, о которых известно, что они активно поддерживают нынешнее правительство и готовы с ним тесно сотрудничать. Когда произойдет новое выступление против правительства, против этих лиц должны быть приняты такие же крайние меры, как и против всех других лиц, независимо от их партийной принадлежности, то есть ко всем тем, которые известны как противники национал-социализма. В отчете нацистских руководителей Австрии подчеркивались следующие принципы:

а) Взятие власти в Австрии остается основной задачей австрийской национал-социалистской партии. Австрия имеет для германской империи гораздо большее значение и цен-

ность, чем Саарский бассейн. Австрийская проблема — это основная проблема. Достижение этой цели оправдывает все средства.

б) В каждом случае, когда это возможно, мы должны делать вид, что мы готовы вести переговоры, но в то же время вооружаться для борьбы. Новая фаза борьбы будет особенно серьезной, и на этот раз будет существовать два центра террора: один — вдоль германской границы, а другой — вдоль югославской границы”.

Я читаю теперь следующий абзац письменного показания:

“Австрийский легион” держался наготове в Германии. Хотя он был отведен на несколько километров от австрийской границы, он не был распущен, несмотря на данные обязательства сделать это. Австрийское правительство время от времени получало точные сведения об этом и передавало их мне. Я также получал подобные сведения от надежных лиц, которые приезжали из Германии в Вену и сами видели этот легион”.

Я перехожу к вопросу о тайных связях германских официальных лиц, в том числе фон Папена, с австрийскими нацистами и об использовании австрийскими нацистами высокопоставленных лиц. Следует иметь в виду наличие двух основных факторов, определяющих положение нацистских организаций в Австрии. Во-первых, хотя фюрер якобы оставил австрийских нацистов на произвол судьбы, как указано в одном из приведенных мною документов, в действительности нацистские чиновники, включая фон Папена, поддерживали тайный контакт с австрийскими нацистами в соответствии с планами Гитлера. Немецкие чиновники давали всякого рода советы, консультации и оказывали поддержку организациям австрийских нацистов. Во-вторых, австрийские нацисты оставались нелегальной организацией в Австрии и готовились для использования в случае так называемого чрезвычайного положения. Однако они сочли целесообразным действовать за спиной лиц, которые подобно подсудимому Зейсс-Инкварту пользовались легальным положением в Австрии. Господин Мессерсмит рассказывает в своих показаниях о том, что он получил копию документа, излагавшего эту нацистскую программу (документ ПС-1760, США-57):

“В течение двух лет после провала путча 25 июля нацисты сравнительно бездействовали в Австрии. В конце 1934 года,

начале 1935 и большей части 1936 года, насколько помню, было очень мало террористических актов. Это затишье также диктовалось из Берлина, как доказывали имевшиеся у меня неопровержимые данные. В начале января министр иностранных дел Австрии Бергер-Вальденегг передал мне документ, который я считал достоверным во всех отношениях и который гласил: “Германский посланник фон Папен во время его последней поездки в Берлин был трижды принят Гитлером и имел с ним довольно продолжительные беседы. Он также воспользовался этой возможностью, чтобы посетить Шахта и фон Нейрата. В ходе этих бесед он получил следующие указания; в течение следующих двух лет не следует предпринимать ничего, что может осложнить внешнеполитическое положение Германии. Поэтому следует избегать всего того, что может создать впечатление, что Германия вмешивается во внутренние дела Австрии... Естественно, сказал Гитлер германскому посланнику: “Германия прежде всего не может бросить на произвол судьбы австрийских членов партии и потому, несмотря на значительные трудности, должна предпринять все усилия, чтобы помочь национал-социалистам в Австрии”. ...В результате министр Шахт дал указание, чтобы, начиная с этого времени, для этой цели ежемесячно ассигновывалось 200 000 марок (для поддержки национал-социализма в Австрии). Распределение и контроль за расходованием этой ежемесячной дотации, были поручены инженеру Рейнтхаллеру... Фон Папену была также высказана надежда, что недавно созданная германская ортсгруппа национал-социалистской партии в Австрии (составленная из германских граждан, проживающих в Австрии) должна действовать таким образом, чтобы не создавалось впечатления, что Германия намеревается вмешаться во внутренние дела Австрии.

Документ ПС-2219, США-62 является письмом Зейсс-Инкварта, датированным 14 июля 1939 г. и адресованным фельдмаршалу Герингу: “Господин генерал-фельдмаршал, если я могу добавить что-нибудь о себе, это следующее: я знаю, что я не являюсь активной фигурой до тех пор, пока не будут приняты последние решения. Проявление с моей стороны активности в такой ситуации, конечно, будет рассматриваться как моя отрицательная черта, но я все же знаю, что я с непоколебимой твердостью иду к цели, в которую я верю — это в

“Великую Германию” (“Гросс Дейчланд”) и фюрера. И если кое-кто устал от борьбы, и некоторые уже были убиты во время этой борьбы, я еще жив и готов для деятельности. Прежде всего, это — развитие событий до 1938 года...”

Это письмо было написано приближенному Гитлера, а ныне подсудимому Герингу. Я думаю, что этого достаточно, чтобы показать действия Зейсс-Инкварта как человека, лояльность которого по отношению к Гитлеру, иностранному диктатору, и целям нацистского заговора вела к борьбе за аншлюс всеми средствами, которые имелись в его распоряжении...

Документ ПС-2248, США-63.

Этот документ представляет собой письмо фон Папена Гитлеру, датированное 27 июля 1935 г. Оно состоит из доклада, озаглавленного “Обзор событий в течение года после смерти канцлера Дольфуса”. После того как было высказано мнение относительно успеха, который австрийское правительство имело, выставив Дольфуса как жертву, а его принципы как патриотические принципы Австрии, Папен заявил:

“...День Нюрнбергского партийного съезда стал великим днем всех германцев как и в старые времена, и провозглашение единого фронта национал-социализма будет событием, которое послужит сигналом для активизации всех сил за пределами рейха. Такой натиск завоюет для нас и тот узкий круг сторонников, представитель которого граф Дубский писал фон Папену относительно аншлюса: “...Третья империя будет с Австрией или она совсем не будет существовать. Национал-социализм должен выиграть это или погибнуть, если он не в состоянии разрешить эту задачу”...

Мы имеем дальше заверения и успокоения, обращенные к Австрии. Германское правительство сделало больше, чем просто демонстрировало невмешательство в дела австрийских групп. Оно использовало психологические маневры для заверения в том, что оно не имеет никаких намерений в отношении австрийской независимости.

Документ ПС-2247, США-64 — это письмо Папена, когда он находился в Берлине, к Гитлеру, датированное 17 мая 1935 г. Папен в своем письме сообщал Гитлеру, что открытые и внушающие доверие заверения Германии о том, что она не имеет никаких претензий к Австрии, будут полезны для дипломатических целей и для улучшения отношений между Ав-

стрией и германскими группами внутри Австрии...

Ровно через 4 дня Гитлер в своей речи в рейхстаге ответил на предложение фон Папена, сказав: “Германия не имеет никакого намерения и не желает вмешиваться во внутренние дела Австрии, аннексировать Австрию или же совершить аншлюс”.

Документ Л-150, США-65 — запись разговора между послом Буллитом и обвиняемым фон Нейратом 18 мая 1936 г.:

“18 мая я был у фон Нейрата, министра иностранных дел, и долго беседовал с ним по вопросам существующей политической ситуации в Европе. Нейрат сказал, что политика Германии заключалась в том, чтобы не проявлять никакой активности в вопросах внешней политики, пока не будет ремилитаризована Рейнская область, а также пока не будет укреплена граница с Францией и Бельгией. Германия сделает все возможное, чтобы предотвратить, а не поощрить выступление нацистов в Австрии, и будет держаться спокойной линии поведения в отношении Чехословакии. Как только укрепления будут построены, а страны Центральной Европы осознают, что Франция не может напасть на Германию, когда она захочет, — все эти страны поймут необходимость пересмотра своих позиций во внешней политике и тогда образуются новые союзы”, — сказал фон Нейрат.

И далее: “Между Италией и Германией не было достигнуто взаимопонимания, и, таким образом, демонстрация дружбы между Германией и Италией была просто демонстрацией, не имеющей под собой почвы. В настоящее время он, как сказано в документе, не видел возможности согласования противоречащих друг другу германских и итальянских интересов в Австрии. Существовали три основные причины, почему германское правительство требовало, чтобы нацисты в Австрии оставались пока в бездействии. Первая заключалась в том, что Муссолини мобилизовал большую часть своей армии на австрийской границе, готовую произвести нападение, и что он обязательно произведет нападение, если найдет подходящий предлог. Вторая причина: нацистам нужно было оставаться спокойными в Австрии, потому что само нацистское движение в Австрии усиливалось с каждым днем. Молодежь Австрии все больше склонялась в сторону нацистов, преобладание нацистской партии в Австрии было неизбежным и являлось

только вопросом времени. Третья причина заключалась в том, что до тех пор, пока не будут построены немецкие укрепления на французской границе, вовлечение Германии в войну с Италией могло бы привести, в конечном счете, к нападению Франции на Германию”.

Однако если Германия еще не была готова для открытого конфликта с Австрией, то ее дипломатические позиции были значительно улучшены по сравнению с 1934 годом. Этот факт повлиял на стремление Австрии сделать уступки Германии и прийти к соглашению с ней.

Продолжаю цитировать показания господина Мессерсмита (документ ПС-1760):

“События осени 1935 года и весны 1936 года предоставили Германии удобный случай для продвижения в направлении нацификации Австрии. Италия, которая дала Австрии заверения самого определенного характера в поддержке ее против германской агрессии и которая, однажды мобилизовав свои силы, вне сомнения, приостановила германскую агрессивную деятельность, запланированную против Австрии, сама предприняла абиссинскую авантюру. Это, а также ремилитаризация Рейнской области в 1936 году полностью нарушили равновесие в Европе. Очевидно, что после того, как Италия начала нападение на Абиссинию, она была более не в состоянии противодействовать германской агрессии против Австрии. Такое ослабление Австрии помогло тому, чтобы проложить путь для соглашения от 11 июля 1936 г.”.

11 июля 1936г. правительства Австрии и Германии заключили соглашение. В нем было обусловлено, что Австрия в своей политике, особенно в отношении Германии, будет рассматривать себя как германское государство. С другой стороны, оба пункта этого соглашения показывали, что Германия якобы признает полный суверенитет Австрии, и что она рассматривает внутренний политический строй Австрии, включая вопрос национал-социализма, как внутреннее дело Австрии, в отношении которого Германия не будет оказывать никакого прямого или косвенного влияния. Я обращаюсь вновь к документу ПС-1760.

“Гораздо более важным, чем условия соглашения, опубликованного в виде официального коммюнике, было неофициальное соглашение, наиболее важными пунктами которого

были:

1) Австрия назначит в правительство известное число лиц, которые будут пользоваться доверием канцлера, но которые будут дружественно относиться к Германии;

2) Австрия будет изыскивать средства для того, чтобы дать нацистской оппозиции место в политической жизни Австрии внутри рамок “Патриотического фронта”;

3) Австрия объявит амнистию для всех нацистов, за исключением тех, которые совершили более серьезные преступления”.

Эта амнистия была действительно объявлена австрийским правительством, в результате чего были освобождены тысячи нацистов. Первая брешь в австрийском правительстве, произведенная германскими нацистами, была осуществлена назначением судьи Гвидо Шмидта статс-секретарем иностранных дел и доктора Эдмунда Глейзе-Хорстенау — министром без портфеля.

В результате стратегических шагов со стороны нацистов, как об этом говорится в той части письменного показания Мессерсмита, которую я огласил, Австрия сделала значительные уступки с целью добиться от Германии дипломатического формального заверения о признании австрийской независимости и о невмешательстве во внутренние дела Австрии. Освобождение арестованных нацистов создало потенциальную полицейскую проблему, и господин Мессерсмит указывал в 1934 году в телеграфном донесении, адресованном государственному департаменту США:

“Всякая вероятность того, что национал-социалисты могут прийти к власти, создает значительные трудности в том, чтобы обеспечить необходимые полицейские и судебные действия против нацистов из-за страха репрессий со стороны будущего нацистского правительства против тех, кто принимает меры против нацистов даже при исполнении своих служебных обязанностей”.

Поддержание внутреннего мира в Австрии, таким образом, только в небольшой степени зависело от соблюдения Германией ее обязательств. Германия постоянно проводила программу ослабления австрийского правительства.

По пакту от 11 июля 1936 г. Германия согласилась не оказывать прямого или косвенного влияния на внутренние дела

Австрии, включая вопрос австрийского национал-социализма.

16 июля 1936 г., то есть через пять дней, Гитлер нарушил эти обязательства. Представляю документ ПС-812, США-61 — доклад гаулейтера Рейнера, адресованный главному уполномоченному Бюркелю и направленный затем Зейсс-Инкварту.

“...16 июля 1936 г. доктор Рейнер и Глобочник посетили фюрера в Оберзальцберге, где им было дано ясное объяснение ситуации, и сообщили о желаниях фюрера. 17 июля 1936 г. все нелегальные гаулейтеры собрались на совещание в Анифе, близ Зальцбурга, где они были подробно информированы Рейнером относительно заявления фюрера и его политических инструкций о том, как следует вести борьбу. На том же совещании гаулейтеры получили инструкцию организационного характера от Глобочника и Кепплера:

“По предложению Глобочника фюрер назначил группенфюрера Кепплера председателем смешанной комиссии, которая была создана в соответствии с договором от 11 июля 1936 г. с тем, чтобы наблюдать за надлежащим проведением в жизнь соглашения. В то же время Кепплеру были предоставлены фюрером полномочия в вопросах руководства партией в Австрии. После того, как Кепплер неудачно пытался сотрудничать с Леопольдом, он стал работать с доктором Рейнером, Глобочником, Рейнтхаллером как руководителем крестьян, Кальтенбруннером как руководителем СС, и доктором Юри как заместителем руководителя австрийской партии, а также Глейзе-Хорстенау и Зейсс-Инквартоми.

Показания Мессерсмита от 24 августа 1945 г. (документ ПС-1760):

“Последствия этого соглашения были именно такими, как и следовало ожидать ввиду всех фактов и предшествующих событий. Активная деятельность нацистов в Австрии была возобновлена под руководством некоего капитана Леопольда, который, как было известно, поддерживал связь с Гитлером. Нацистская программа была направлена к тому, чтобы создать организацию, посредством которой нацисты могли бы открыто продолжать свою деятельность в Австрии, и с санкции правительства имелось несколько разрешенных законом организаций, представлявших собою просто ширму, за которой нацисты могли создавать свои организации и через посредство которых они позднее могли требовать включения их в качестве

составной части в “Патриотический фронт”. Наиболее важной из них была “Остмаркише ферейн”, главой которой был министр внутренних дел Глейзе-Хорстенау. Благодаря влиянию Глейзе-Хорстенау и пронацистски настроенного Нейштадтер-Штюнера, эта организация была объявлена судом Австрии легальной организацией”.

Документ ПС-2246, США-67 — доклад фон Папена Гитлеру от 1 сентября 1936 года:

“Прогресс в нормализации отношений с Германией в настоящее время задерживается продолжающимся сопротивлением со стороны министерства безопасности, в которое входят старые антинационал-социалистские чиновники. Поэтому изменение в составе чиновников этого министерства имеет первостепенную важность. Но этих перемен нельзя ожидать прежде, чем не будет отменен финансовый контроль в Женеве. Руководитель Лиги информировал министра Глейзе-Хорстенау о своих намерениях вручить ему портфель министра внутренних дел. Основной с тактической точки зрения линией в нашей деятельности я предлагаю избрать постоянную терпеливую психологическую обработку с постепенно усиливающимся давлением, направленным на перемену режима. Предстоящая конференция по вопросу экономических отношений, которая должна происходить в конце октября, будет весьма полезным орудием для реализации некоторых из наших проектов.

Во время бесед с правительственными чиновниками, а также с руководителями нелегальной партии (Леопольдом и Шаттенфрохом), которые всецело поддерживают соглашение от 11 июля, я пытаюсь направлять дальнейшие события таким образом, чтобы добиться корпоративного представительства движения в организации “Отечественного фронта”, но, тем не менее, воздерживаюсь от того, чтобы выдвигать национал-социалистов на важные государственные посты, по крайней мере, на это время. Однако такие посты должны быть заняты только теми лицами, которые пользуются поддержкой и доверием движения. В этом отношении я имею преданного сотрудника в лице министра Глейзе-Хорстенау”.

Этот доклад фон Папена, составленный для Гитлера, вскрывает существование следующего плана:

а) Изменения в составе чиновников министерства безопас-

ности осуществляются должным образом.

б) Обеспечение корпоративного представительства нацистского движения в “Отечественном фронте”.

в) Пока не выдвигать явных национал-социалистов на важные посты, но использовать лиц с националистическими взглядами.

г) Использование экономического давления и терпеливой психологической обработки с постепенно усиливающимся давлением в направлении изменения режима.

Следующим вопросом является “дипломатическая подготовка Германией захвата Австрии”.

Программа нацистов в отношении Австрии состояла в ослаблении ее как внешне, так и внутренне путем устранения поддержки Австрии извне и проникновения заговора вовнутрь. Эта программа имела величайшее значение, особенно, — Трибунал вспомнит это, — после событий 25 июля 1934 г. внутри Австрии, когда появились сенсационные известия о том, что Муссолини ввел свои войска в Бреннерский проход и выступил в качестве защитника своего северного соседа — Австрии.

Соответственно вмешательство в дела Австрии и усиление давления, которые были необходимы для захвата контроля над этой страной, требовали устранения возможности того, что Италия или какая-нибудь другая страна придет на помощь Австрии. Но программа внешней политики заговорщиков, направленная на ослабление и изоляцию Австрии, являлась частью внешнеполитической программы Германии в Европе в целом...

Я собираюсь вкратце изложить наиболее важные пункты нацистского заговора в области дипломатической подготовки к войне. В этой связи я представляю в качестве доказательства документ ПС-2385 — второе письменное показание Джорджа Мессерсмита, данное под присягой 30 августа 1945 года в Мексико-Сити (Мехико — Г.В.). Это письменное показание описывает программу внешней политики нацистской партии:

“В 1933 году, когда я находился на службе в Германии, немцы и среди них нацисты, контакт с которыми я поддерживал как в высших, так и в средних кругах, открыто признавали намерения Германии установить господство над всей Юго-Восточной Европой от Чехословакии до Турции. Как открыто

заявляли эти лица, в отношении Австрии и Чехословакии целью была территориальная экспансия. Цели, которые открыто признавались нацистами на ранних этапах нацистского режима в отношении остальных государств Юго-Восточной Европы, заключались в установлении политического и экономического контроля. В то время они еще не говорили так определенно о присоединении или нарушении суверенитета. Однако их притязания тогда не ограничивались Юго-Восточной Европой. С самого начала 1933 года и даже еще до прихода нацистов к власти видные нацистские деятели говорили открыто об Украине, что “она должна быть нашей житницей”, и о том, что, “даже имея Юго-Восточную Европу под своим контролем, Германия нуждается в большей части Украины для обеспечения продовольствием населения Великой Германии”. После того, как я уехал из Германии в середине 1934 года для того, чтобы приступить к своим обязанностям в Австрии, я продолжал получать информацию относительно германских планов в отношении Юго-Восточной Европы.

В беседе с фон Папеном вскоре после его назначения германским посланником в Австрии в 1934 году он откровенно заявил мне, что “Юго-Восточная Европа до Турции является “хинтерландом” (тылом) Германии, и мне поручено выполнять задачу по включению этой территории в нашу сферу влияния. Австрия стоит на первом месте в этой программе”.

Как я узнал от моих дипломатических коллег, фон Папен в Вене и его коллега фон Макензен в Будапеште уже в 1935 году открыто пропагандировали идею полного расчленения и окончательного присоединения Чехословакии...

Немедленно после прихода нацистов к власти они начали проводить в жизнь широкую программу вооружений. Это была одна из первых целей нацистского режима. В действительности двумя первостепенной важности целями нацистов, когда они пришли к власти, должны были быть и были, согласно их собственным заверениям, которые они зачастую делали мне:

1) завершить полное и абсолютное установление их власти над Германией и германским народом с тем, чтобы они стали во всех отношениях послушными орудиями нацистского режима для осуществления его замыслов, и

2) создать вооруженные силы гигантских размеров внутри Германии с тем, чтобы можно было проводить в жизнь поли-

тическую и экономическую программу в Европе в случае необходимости и путем применения силы, но, возможно, и путем угрозы применения силы.

Характерно, что при достижении этой второй цели с самого начала нацисты придавали огромную важность созданию сильнейшего военно-воздушного флота. Геринг и Мильх часто говорили мне или в моем присутствии, что нацисты решили избрать военно-воздушные силы как оружие террора, которое должно было вернее всего обеспечить для Германии господствующее положение, и как оружие, которое могло быть развито наиболее быстрыми темпами в кратчайший срок...

В то же время, когда проводилась в жизнь программа вооружения, нацисты принимали всевозможные меры к тому, чтобы подготовить германский народ к войне в моральном отношении. Во всей стране можно было видеть германскую молодежь всех возрастов, занятую военными упражнениями, маршировкой, тренировкой в бросании ручных гранат и т. д.

В этой связи я написал официальное донесение в начале 1933 года из Берлина. Я писал: "...Все, что делается в Германии сегодня, имеет своей целью заставить народ поверить в то, что Германии грозит смертельная опасность во всех отношениях извне со стороны других государств. Все делается для использования этого чувства опасности, чтобы стимулировать военное обучение и тренировку, проведения бесчисленных мероприятий с целью превратить германский народ в закаленную, стойкую расу, которая могла бы вступить в единоборство с кем бы то ни было. Военный дух постоянно возрастает. Иначе быть не может. Руководители Германии сегодня не желают мира до тех пор, пока это не будет мир в полном соответствии с желаниями и притязаниями Германии. Гитлер и его приближенные действительно и искренне хотят мира в настоящий момент, но только лишь для того, чтобы иметь возможность подготовиться к применению силы, когда это будет сочтено необходимым.

Они подготавливаются столь тщательно, что я не сомневаюсь в том, что германский народ будет вместе с ними, когда они захотят применить силу и когда они почувствуют, что они располагают необходимыми средствами для проведения в жизнь своих замыслов...

Военная подготовка и подготовка в психологическом от-

ношении объединялись и сочетались с дипломатической подготовкой, предназначенной для того, чтобы расчлениить и ослабить намеченные жертвы, оставив их беззащитными перед германской агрессией...”

Германия предлагала Каринтию Югославии, часть Чехословакии — Венгрии, а часть — Польше. Югославские территории она предлагала Венгрии и в то же самое время венгерские земли — Югославии. Господин Мессерсмит показал:

“Австрия и Чехословакия стояли первыми на очереди в германской программе агрессии. В 1934 году Германия предприняла шаги к тому, чтобы заручиться поддержкой соседних с этими странами государств, обещая долю при разделе добычи. Югославии она, в частности, предложила Каринтию. Относительно реакции Югославии я тогда докладывал.

Основным фактором во внутренней ситуации за последнюю неделю было возрастающее напряжение по вопросу австрийских нацистских эмигрантов в Югославии. Едва ли можно сомневаться в том, что Геринг, когда он совершал свою поездку по различным столицам Юго-Восточной Европы примерно 6 месяцев тому назад, сказал югославам, что они получат часть Каринтии, когда национал-социалистское правительство придет к власти в Австрии. Семя, которое нацисты посеяли в Югославии, было достаточно для того, чтобы вызвать волнение. Имеется, несомненно, большое число людей, которые весьма благожелательно относятся к нацистам, эмигрировавшим в Югославию после 25 июля.

Германия сделала подобное территориальное предложение Венгрии и Польше с целью добиться их сотрудничества или, по крайней мере, их согласия на предполагаемое расчленение Чехословакии.

Как я узнал от моих коллег в Вене, фон Папен в Вене и фон Макензен в Будапеште в 1935 году распространяли идею расчленения Чехословакии, в случае которого Германия должна была получить Богемию, Венгрия — Словакию и Польша — остальную часть. Этим они обманули не одну из этих стран, которые понимали, что намерением нацистской Германии было захватить все”.

Нацистское правительство Германии без колебаний делало несостоятельные предложения, когда это отвечало его непосредственной цели. Я вспоминаю, что югославский посланник

в Вене сказал мне в 1934 или в 1935 году, что Германия обещала Венгрии югославскую территорию, одновременно обещая Югославии часть венгерской территории. Венгерский посланник в Вене позднее сообщил мне то же.

Я должен подчеркнуть в этом заявлении, что лица, которые давали эти обещания, являлись не только отъявленными нацистами, но также и наиболее консервативными немцами, которые уже начали с готовностью помогать осуществлению нацистской программы.

В официальном донесении государственному департаменту 10 октября 1935 года я писал из Вены: “Европа не может избавиться от того заблуждения, что Нейрат, Папен, Макензен являются не опасными лицами, а что они всего лишь “дипломаты старой школы”. В действительности они являются послушными орудиями режима и именно потому, что остальной мир рассматривает их как безобидных лиц, они в состоянии более эффективно работать. Они в состоянии сеять раздор именно потому, что они якобы не симпатизируют режиму”...

Политика Германии в отношении Великобритании и Франции заключалась в сохранении мира ценой ограниченной экспансии. Нацисты подписали с Англией договор об ограничении морских вооружений и обсудили Локарнский авиационный пакт. В отношениях с Францией и Англией они не раскрывали своих намерений, а играли на страхе перед коммунизмом и войной.

Германия, давая различные обещания, не беспокоила себя мыслями о нерушимости международных обязательств...

Цитирую второе письменное показание Мессерсмита, документ ПС-2385, США-68:

“Занимавшие высокие посты нацисты, — продолжает Мессерсмит, — с которыми я поддерживал официальный контакт, особенно Геринг, Геббельс, Лей, Фрик, Франк, Дарре и другие, неоднократно издевались над моими убеждениями об обязательствах, налагаемых договорами, и открыто заявляли мне, что Германия будет соблюдать свои международные обязательства, лишь пока это будет отвечать ее интересам. Хотя эти заявления делались мне так же, как и другим, в открытой форме, эти нацистские руководители не разглашали в действительности никакого секрета, так как во многих случаях они высказывали ту же идею публично”.

Франция и Италия активно действовали в Юго-Восточной Европе для того, чтобы противодействовать проискам Германии...

В то время как Германия давала обещания о наградах за сотрудничество в осуществлении своей программы другим странам, она возбуждала внутренние разногласия в этих странах, особенно в Австрии и Чехословакии, причем все эти планы были направлены на то, чтобы ослабить всякую оппозицию и усилить пронацистские и фашистские группы для того, чтобы обеспечить мирное проведение в жизнь германской программы.

Махинации нацистов в Австрии я уже изложил в деталях... В Чехословакии они следовали той же тактике с судетскими немцами. Я имею достоверные сведения, что нацистская партия израсходовала более 6 000 000 марок, финансируя партию Генлейна во время выборов весной 1935 года. В Югославии НСДАП играла на национальных различиях сербов и хорватов, а также угрозе восстановления Габсбургов в Австрии. Следует отметить, последнее являлось главным весьма действенным предметом спекуляции, так как страх перед восстановлением династии существовал. В Венгрии они играли на проблемах в аграрном вопросе и в то же время открыто поощряли пронацистские элементы Венгрии, что побудило правительство страны в 1936 году потребовать вернуться Макензена. В Венгрии и Польше они разжигали страх перед коммунизмом и коммунистической Россией. В Румынии еще более обострили существовавший антисемитизм, подчеркивая важную роль евреев в румынской промышленности и еврейское происхождение Лупеску.

Такие “дипломатические” меры, подкрепленные широкой программой перевооружения, имели значительный эффект, особенно в Югославии, Польше и Венгрии. Этого оказалось достаточно для того, чтобы, если и не принудить их к активному союзу с нацистской Германией, то уж, конечно, воздержаться от присоединения к какой-либо группировке, которая бы противоречила планам Германии.

Известные политические деятели Югославии склонялись к тому, что нацистский режим останется правящим и достигнет своих целей, что самый безопасный путь для Югославии — это подыгрывать Германии”.

В отношении Италии цель Германии состояла в намерении посорить ее с Югославией, обещая последней территорию Италии, особенно Триест... Я обращаюсь к документу ПС-2385.

“В то время как Италия открыто противостояла попыткам проведения аншлюса в 1934 году, итальянские требования относительно Абиссинии дали Германии возможность посеять раздор между Италией и Францией и Англией и привлечь Италию на свою сторону, с тем, чтобы она приняла германскую программу, взамен чего Германия поддержит итальянские планы в Абиссинии”.

Это подготовило почву для германо-итальянской декларации или пакта от 11 июля 1936 г., что нашло выражение в союзе, который называется “Ось Берлин — Рим”. Этот пакт вместе с союзом Японии и Германии оказал давление на Англию и значительно увеличил относительную мощь Германии. Таким образом, путем тщательной подготовки, в частности, и в области дипломатии, нацистские заговорщики обеспечили себе положение, которое дало им возможность серьезно рассматривать планы войны и начать подготовку оперативных планов, правда, не устанавливающих точных календарных сроков, но все же планов, которые должны были лечь в основу дальнейшего планирования агрессивной войны. Эти планы обсуждались на совещании 5 ноября 1937 г., из протокола которого (“протокол Госбаха”) мы видим, как выкристаллизовывался план ведения агрессивной войны в Европе, а также план захвата Австрии и Чехословакии...

На совещании 5 ноября 1937 г. фюрер настаивал на том, что Германия должна иметь больше пространства в Европе. Он делал вывод, что необходимое пространство должно быть захвачено силой; было намечено три возможных варианта, причем все они строились, исходя из того, что проблема эта должна быть разрешена до 1943—1945 гг.

Далее было ясно указано, какого характера должна быть война в ближайшем будущем, в частности, против Австрии и Чехословакии. Гитлер сказал, что для улучшения военного и политического положения Германии нацисты в случае войны должны в первую очередь захватить Чехословакию и Австрию одновременно для того, чтобы устранить всякую угрозу с флангов в случае возможного наступления на Запад. Гитлер

затем заметил, что присоединение Чехословакии и Австрии к Германии будет означать получение достаточного количества продуктов питания для 5—6 миллионов людей, если удастся осуществить принудительную эвакуацию приблизительно 1 миллиона людей из Австрии. Он затем указал, что аннексия этих двух государств Германией принесет ей большую пользу, как с точки зрения политической, так и с военной, поскольку, таким образом, Германия получит более короткие и надежные границы, освободит свои войска для других операций и сможет осуществить перестройку новой германской армии. Этот протокол показывает, как выкристаллизовывалась политика нацистских заговорщиков в отношении Австрии. Присоединение Австрии всегда было их целью, — сначала они попытались достичь этого посредством путча, но потерпели неудачу.

В следующий период они стали делать вид, что признают независимость Австрии, и в то же время обманным путем укрепляли положение нацистов внутри Австрии. Теперь, однако, стало очевидным, что приобретение Австрии чрезвычайно важно в связи с обширными планами агрессии нацистских заговорщиков, а потому они решили сделать это без промедления, путем применения силы. Фактически фашисты смогли получить Австрию, ограничившись лишь угрозой войны, так как предварительно они ослабили ее изнутри и отняли у нее поддержку других наций...

Германское верховное командование заранее рассмотрело планы подготовки выступления против Австрии. Документ С-175, США-69 — совершенно секретная директива рейхсминистра и главнокомандующего вооруженными силами генерала фон Бломберга от 24 июня 1937 г. ...Директива касалась одновременной и объединенной подготовки к войне со стороны всех родов войск. В этой директиве генерал фон Бломберг отмечает, что общая политическая ситуация такова, что Германия не может опасаться нападения с чьей-либо стороны. Германия также не собирается развязывать европейскую войну:

“...Германия не намеревается развязывать войну в Европе. Несмотря на это, неустойчивое политическое равновесие в мире, не исключающее неожиданных инцидентов, требует постоянной готовности вооруженных сил Германии к войне. Это необходимо:

а) чтобы в любое время отразить нападение;

б) чтобы быть в состоянии использовать военным путем политически благоприятные условия, если таковые возникнут...

2. Мероприятия общего характера:

а) обеспечить постоянную мобилизацию и готовность вооруженных сил Германии, в том числе и до того времени, когда будет завершено вооружение и достигнута полная готовность к ведению войны;

б) продолжать разработку плана “Мобилизация без официального ее объявления”, чтобы обеспечить внезапность начала войны по времени и ведение ее такими силами, о которых противник не предполагает”.

Далее идет “план Отто” (условное обозначение плана захвата Австрии):

“Вооруженное вторжение в Австрию в случае, если она восстановит у себя монархию. Целью этой операции является при помощи вооруженной силы заставить Австрию отказаться от идеи реставрации. Надо использовать внутренние политические разногласия в Австрии. Вступление в эту страну произойдет в направлении Вены, и, таким образом, будет сломлено всякое сопротивление”...

Документ Л-151, США-70 — это официальное сообщение Буллита, американского посла в Париже, государственному секретарю США от 23 ноября 1937 г.

В этом отчете посла Буллита государственному секретарю США говорится, что он посетил Варшаву и остановился по дороге в Берлине, где беседовал с рядом лиц, в том числе с Шахтом и Герингом:

“Шахт, — указывается в отчете, — сказал, что... Гитлер решил добиться того, чтобы Австрия принадлежала Германии. Кроме того, он хочет получить хотя бы автономию для немцев в Богемии. В настоящее время он не очень интересуется польским коридором. По мнению Шахта, возможно сохранить коридор в том случае, если бы Данцигу было разрешено присоединиться к Восточной Пруссии и если бы можно было проложить какие-либо пути через коридор, чтобы Данциг и Восточная Пруссия общались с Германией”.

Разговор Геринга с послом Буллитом изложен во втором меморандуме, озаглавленном “Запись разговора между послом Буллитом и генералом Германом Герингом”:

“Я спросил Геринга, какие цели он имел в виду. Он, Геринг, ответил мне: “Мы решили присоединить к германской империи всех немцев, живущих на смежных с Германией территориях и отделенных от великой Германии только искусственными барьерами, созданными Версальским договором”. Я спросил Геринга, имеет ли он в виду, что Германия окончательно решила аннексировать Австрию, присоединить ее к рейху. Он ответил мне, что таково бесповоротное решение германского правительства. Германское правительство в настоящее время не форсирует решение этого вопроса потому, что это задерживают некоторые временные политические соображения, связанные со взаимоотношениями с Италией. Но Германия не потерпит, чтобы вопрос об Австрии мог быть решен иначе, чем путем включения Австрии в германскую империю...”

В феврале 1938 года канцлер Шушниг решил посетить Гитлера в Берхтесгадене. Было опубликовано коммюнике о встрече Гитлера и Шушнига, состоявшейся в Оберзальцберге 12 февраля 1938 г. В коммюнике говорится, что неофициальная встреча была вызвана взаимным желанием выяснить при личном разговоре вопросы, связанные с взаимоотношениями между германской империей и Австрией.

В числе присутствовавших перечисляются: сам Шушниг и его министр иностранных дел Шмидт, Гитлер, его министр иностранных дел Риббентроп и подсудимый Папен.

Аналогичное коммюнике было издано австрийским правительством. Это коммюнике датировано 16 февраля 1938 г. (документ ПС-2464). В нем объявлялось о реорганизации австрийского кабинета, а также о весьма значительном событии — назначении подсудимого Зейсс-Инкварта на пост министра безопасности и внутренних дел, в связи с чем к нему переходил контроль над полицией. В заключение сообщалось об общеполитической амнистии в отношении нацистов, осужденных за разные преступления. Через два дня были оглашены новые уступки, которых добились немцы. Коммюнике сообщало, что в соответствии с Берхтесгаденским соглашением австрийские национал-социалисты приняты в “Отечественный фронт” — единственную легальную политическую партию в Австрии...

Документ ПС-1544, США-71 состоит из заметок фон Па-

пена, касающихся его последней встречи с Шушнигом 26 февраля 1938 г.

Папен говорит в своих заметках: “Затем я упомянул в разговоре о распространенном мнении, что он, Шушниг, будто бы действовал под грубым давлением в Берхтесгадене. Я сам присутствовал там и поэтому могу удостоверить, что он пользовался полной свободой при принятии решений. Канцлер ответил мне, что он на самом деле находился под значительным моральным давлением, он не мог отрицать этого факта. Он делал заметки о беседе, в которых упоминает, что находился под давлением. Я спросил его, пошел бы он на те уступки, на которые он пошел вчера вечером, если бы никакого давления на него не оказывалось? Он ответил — “Если честно, то нет”. Затем фон Папен говорит: “Я считаю важным отметить это заявление Шушнига. Уходя, я сказал канцлеру, чтобы он не обманывал себя мыслью, что Австрия сможет сохранить свой статус с помощью политических комбинаций на континенте без участия Германии. Этот вопрос может быть решен только в интересах германского народа. Он заверил меня, что придерживается того же убеждения и будет действовать соответствующим образом”...

Генерал Иодль в своем дневнике был гораздо более откровенен. Дневник генерала Иодля (документ ПС-1780, США-72) обнаруживает не только тот факт, что в Берхтесгадене было оказано большое давление, но также и то, что через несколько дней после этой встречи подсудимый Кейтель и адмирал Канарис разработали схему военного давления на Австрию для того, чтобы вынудить президента Австрии Микласа ратифицировать соглашение. Оно началось с оказанного на Шушнига в Берхтесгадене нажима. Следует заметить, что одобрение Микласа было необходимо для того, чтобы ратифицировать Берхтесгаденское соглашение. Это требовалось для назначения Зейсс-Инкварт на пост министра внутренних дел и безопасности. Таким образом, нацистские заговорщики в течение нескольких дней после конференции в Берхтесгадене держали Австрию под угрозой вторжения, с целью повлиять на президента Микласа.

Запись в дневнике Иодля от 13 февраля 1938 г. гласит:

“Вечер 12 февраля. Генерал К. (Кейтель), генерал фон Рейхенау и Шперле в Оберзальцберге. Шушниг вместе с Г. Шмид-

Шмидтом снова подвергнуты сильнейшему политическому и военному давлению. В 23 часа Шушниг подписывает протокол.

14 февраля. После полудня генерал К. (Кейтель) просил адмирала К. (Канариса) и меня прийти к нему. Он сказал, что согласно приказу фюрера давление посредством угрозы военных действий должно проводиться до 15 числа. Планы этих предполагаемых военных действий уже составлены и по телефону сообщены фюреру для получения его санкции. 14 февраля, в 2 часа 40 минут, было получено согласие фюрера. Канарис отправился в Мюнхен, в 7-й отдел контрразведки и начал проводить различные мероприятия, действие которых было немедленным и очень сильным. В Австрии создано впечатление, что Германия проводит серьезные военные приготовления”.

Документы ПС-1775, США-73. Это предложения Кейтеля:

“1. Не проводить реальных мероприятий по оперативному развертыванию сухопутных и военно-воздушных сил, не допускать перебросок войск.

2. Распространять ложные, но правдоподобные слухи и сведения, из которых можно сделать вывод о проведении подготовительных мероприятий для войны с Австрией:

- а) через доверенных лиц в Австрии;
- б) через таможенный персонал;
- в) через агентов — маршрутчиков.

3. Такими сведениями могут быть:

а) в 7-м армейском корпусе отменены отпуска;

б) в Мюнхен, Аугсбург и Регенсбург стягивается железнодорожный порожняк;

в) военный атташе в Вене, генерал-лейтенант Муфф, вызван на совещание в Берлин (это будет сделано на само деле);

г) усилены полицейские пограничные формирования на германско-австрийской границе;

д) служащие таможни сообщают о предстоящем учении горно-пехотной бригады в районах Фрайлассинг, Райхенхаль и Берхтесгаден”.

Запугивание и распространение слухов оказались очень эффективными. Президент Миклас признал Берхтесгадское соглашение, которое, в конце концов, привело к тому, что Австрия стала национал-социалистской, и к событиям, завер-

шившимся вторжением германских войск 12 марта 1938 г....

Через день после назначения министром внутренних дел Австрии Зейсс-Инкварт вылетел в Берлин для совещания с Гитлером. Официальное германское коммюнике об этом посещении Гитлера Зейсс-Инквартом представляется (документ ПС-2484)...

9 марта 1938 г. Шушниг заявил, что он проведет плебисцит по всей Австрии в следующее воскресенье, 13 марта 1938 г. На плебисцит был вынесен следующий вопрос “Являетесь ли вы сторонником независимой, социальной христианской, германской и объединенной Австрии?” Утвердительный ответ на этот вопрос, несомненно, соответствовал целям, которые ставились соглашением, заключенным германским правительством 11 июля 1936 г. и подтвержденным декларацией в Берхтесгадене от 12 февраля 1938 г.

Отчет гаулейтера Рейнера имперскому уполномоченному Бюркелю, который был передан Зейсс-Инкварту (документ ПС-812, США-61) устанавливает следующее:

“Ландеслейтунг (В данном случае руководство гитлеровской партии в Австрии – Г.В.) через службу секретной информации получил информацию о планировавшемся плебисците 9 марта 1938 г. в 10 часов утра. На заседании, которое было созвано немедленно после этого, Зейсс-Инкварт объяснил, что он знает об этом только в течение нескольких часов, но не может выступить по этому вопросу, потому что дал слово хранить молчание. Но во время обсуждения он дал нам понять, что подпольные сведения, которые мы получили, базировались на правде и что, предвидя это новое положение, он сотрудничал с ландеслейтунгом с самого начала. Клауснер, Юри, Рейнер, Глобочник и Зейсс-Инкварт присутствовали на первом совещании, которое состоялось в 10 часов утра. На этом совещании было решено, во-первых, что следует немедленно информировать фюрера, во-вторых, фюреру должна быть предоставлена возможность вмешаться при помощи официальной декларации министра Зейсс-Инкварта Шушнигу и, в-третьих, Зейсс-Инкварт должен вести переговоры с правительством до тех пор, пока не будут получены ясные инструкции и приказы от фюрера.

Зейсс-Инкварт и Рейнер совместно составили письмо Шушнигу, и копия этого письма была отвезена фюреру Гло-

бочником, который вылетел к нему после полудня 9 марта 1938г.

Переговоры с правительством были unsuccessful, и поэтому приостановлены Зейсс-Инквартом в соответствии с указаниями, которые были им получены от фюрера.

10 марта все приготовления к будущим революционным действиям (Под “революционными действиями” подразумеваются действия по свержению австрийского правительства и “присоединению” Австрии к Германии – Г.В.) уже были закончены и необходимые приказы были отданы всем командирам частей. В ночь с 10 на 11 марта Глобочник вернулся от фюрера с заявлением, что фюрер дает партии свободу действий, и будет поддерживать ее во всем том, что она предпримет”. Когда известия о плебисците достигли Берлина, они вызвали там кипучую деятельность. Как известно, Гитлер был полон решимости не потерпеть проведения этого плебисцита. В соответствии с этим он созвал своих военных советников и приказал подготовить поход в Австрию.

Что касается дипломатических действий, то он начал писать письмо Муссолини, указывая, почему он намеревается вторгнуться в Австрию. В связи с отсутствием подсудимого Риббентропа, который временно задержался в Лондоне, подсудимый Нейрат снова взял в свои руки министерство иностранных дел.

В дневнике генерала Иодля 10 марта 1938 г. записано следующее:

“Неожиданно и без консультации с министрами Шушниг приказал провести плебисцит в воскресенье 13 марта, что повлечет за собой выигрыш сильного большинства легитимистов (так именовались сторонники независимой монархической Австрии – Г.В.) в случае отсутствия плана или подготовки. Фюрер полон решимости не потерпеть этого.

В ту же ночь с 9 на 10 марта он вызвал Геринга. Генерал фон Рейхенау отозван обратно из Олимпийского комитета в Каире. Генералу фон Шоберту также приказано вернуться, как и министру Глейзе-Хорстенау, который находился с гаулейтером Бюркелем в Палатинате. Генерал Кейтель сообщил об этом в 9 часов 45 минут. Он приехал в имперскую канцелярию в 10 часов. Я прибыл в 10 часов 15 минут согласно желанию генерала фон Вибана для того, чтобы передать ему разрабо-

танный проект подготовки “плана Отто”.

В 13 часов генерал К. сообщает начальнику оперативного штаба (т. е. Иодлю – Г.В.) и адмиралу Канарису о том, что Риббентроп задержался в Лондоне. Нейрат принимает министерство иностранных дел. Фюрер желает направить ультиматум австрийскому правительству. Направляется личное письмо Муссолини, где излагаются причины, которые заставляют фюрера действовать. В 18 часов 30 минут издается приказ о мобилизации командующему 8-й армией (корпусного района 3), а также 7-му и 13-му армейским корпусам, без резервной армии”. Документ ПС-1780, США-72...

Документ С-102, США-74 — совершенно секретная директива верховного командования вооруженных сил 11 марта 1938 г. Эта директива Гитлера имеет инициалы подсудимых Иодля и Кейтеля и касается “операции Отто”:

“1. Если другие меры окажутся безуспешными, я намереваюсь вторгнуться в Австрию при помощи вооруженных сил для того, чтобы создать конституционные условия и предотвратить дальнейшие нападки на прогерманское население...”

4. Части армии и военно-воздушных сил, предназначенные для этой операции, должны быть готовы к вторжению или к действию 12 марта 1938 г., самое позднее в 12.00 часов. Я оставляю за собой право давать разрешение пересекать и перелетать границу и принять решение о моменте вторжения.

5. Поведение войск должно создать впечатление, что мы не намереваемся вести войну против наших австрийских братьев. В наших интересах, чтобы вся операция была проведена без применения насилия, в форме мирного вступления при приветствиях со стороны населения. Поэтому следует избегать любой провокации. Если, однако, будет оказано сопротивление, то оно должно быть сломлено безжалостно силой оружия”.

А. Гитлер

Документ С-103, США-75 представляет собой специальную инструкцию № 1 к директиве от 11 марта 1938 г.:

“Инструкция о действиях при встрече с чехословацкими и итальянскими регулярными войсками и милиционными частями.

1. В случае встречи с чехословацкими регулярными вой-

сками или милиционными частями на территории Австрии рассматривать их как противника.

2. Итальянцев повсеместно приветствовать как друзей, тем более что Муссолини объявил о своем невмешательстве в решение австрийского вопроса”. Подписано ОКВ Иодлем.

Документ ПС-812, США-61 — отчет гаулейтера Рейнера имперскому уполномоченному Бюркелю:

“В пятницу 11 марта министр Глейзе-Хорстенау приехал в Вену после посещения фюрера. После бесед с Зейсс-Инквартом он поехал к канцлеру. В 11.30 утра состоялось заседание ландеслейтунга, в котором участвовали Клауснер, Рейнер, Юри, Зейсс-Инкварт, Глейзе-Хорстенау, Фишбок и Мультманн. Д-р Зейсс-Инкварт доложил о своей беседе с д-ром Шушником, которая закончилась отклонением предложения двух министров.

В отношении предложения Рейнера фон Клауснер дал приказание, чтобы правительству был предъявлен ультиматум, срок которого истекает к 14.00, подписанный официальными политическими деятелями “фронта”, включая обоих министров и государственных советников — Фишбока и Юри. В этом ультиматуме должно было содержаться требование установления дня голосования через три недели, а также требование свободного и тайного голосования в соответствии с конституцией.

На основании письменных материалов, которые привез с собой Глейзе-Хорстенау, был подготовлен текст листовки, которая должна была быть напечатана в миллионах экземпляров, а также телеграммы фюреру с просьбой о помощи.

Клауснер передал руководство окончательными политическими действиями в руки Рейнера и Глобочника. Шушник созвал совещание всех министров в 2 часа дня. Рейнер согласился с Зейсс-Инквартом, что он, Рейнер, пошлет телеграмму фюреру и сделает заявление населению в 15 часов и в то же время предпримет все необходимые шаги для того, чтобы захватить власть в том случае, если он не получит известий с заседания совета до того времени. В течение этого времени все меры были подготовлены. В 2.30 Зейсс-Инкварт позвонил Рейнеру и сообщил ему, что Шушник был не в состоянии сопротивляться нажиму и отменил плебисцит, но что он отказался назначить новый плебисцит и приказал принять строжайшие полицей-

ские меры для поддержания порядка. Рейнер спросил, ушли ли в отставку два министра, и Зейсс-Инкварт ответил — “нет”. Рейнер сообщил в имперскую канцелярию через германское посольство и получил ответ от Геринга тем же путем о том, что фюрер не согласился на частичное разрешение вопроса и что Шушниг должен уйти в отставку. Глобочник и Мультманн сообщили об этом Зейсс-Инкварту. Между Зейсс-Инквартом и Шушнигом состоялась беседа, после чего Шушниг подал в отставку. Зейсс-Инкварт спросил Рейнера, принятие каких мер было бы желательно для партии? Рейнер ответил: “Назначение Зейсс-Инкарта главой правительства, легализация партии и использование СС и СА в качестве вспомогательных частей полиции”. Зейсс-Инкварт обещал, что он проведет эти меры, но за этим последовало известие о том, что все может быть поставлено под угрозу из-за сопротивления президента Микласа. Тем временем из германского посольства было сообщено, что фюрер ожидает создания правительства, во главе которого будет стоять Зейсс-Инкварт, поддержанный большинством, легализации партии и разрешения возвращения “Легиона” (имеется в виду созданный нацистами австрийский легион, находившийся в то время в южной Баварии недалеко от австрийской границы — Г.В.). Все это должно было быть проведено к назначенному времени — 7.30 вечера. В противном случае германские войска перейдут границу в 8 часов. В 5.00 Рейнер и Глобочник вместе с Мультманном поехали к канцлеру, чтобы выполнить поручение.

Ситуация: Миклас вел переговоры с Эндером о создания правительства, которое включало бы черных, красных и национал-социалистов, и предложил пост вице-канцлера Зейссу. Последний отверг это и сказал Рейнеру, что сам он не в состоянии вести переговоры потому, что лично был заинтересован, и вследствие этого может возникнуть шаткая и нежелательная политическая ситуация. Рейнер вел переговоры с Цернатто. Директор кабинета Губер, Гвидо Шмидт, Глейзе-Хорстенау, советник посольства Штейн, военный атташе генерал Муфф и группенфюрер Кепплер (тот, о котором я говорил, что мы с ним еще встретимся), приехавший к тому времени, — уже вели в то время переговоры. В 7 часов вечера Зейсс-Инкварт снова присоединился к обсуждению. Положение в 7.30 вечера: упорный отказ Микласа назначить Зейсс-

Инкварта канцлером, обращение ко всему миру в случае германского вторжения.

Группенфюрер Кепплер объяснил, что у фюрера пока что не было настоящего повода к вторжению. Этот повод должен быть создан. Положение в Вене и повсюду в стране очень опасно. Есть опасность, что уличные бои могут разразиться в любой момент, потому что Рейнер приказал всей партии провести демонстрацию в 3 часа. Рейнер предложил взять штурмом правительственный дворец для того, чтобы заставить произвести изменения в правительстве. Это предложение было отвергнуто Кепплером, но было проведено в жизнь Рейнером после того, как он обсудил его с Глобчником.

В 8 часов вечера СА и СС вступили в столицу, захватили правительственные здания и все важные пункты города Вены. В 8.30 вечера Рейнер с согласия Клауснера приказал всем гау-лейтерам Австрии захватить власть во всех восьми гау (областях) Австрии при помощи СС и СА, действуя согласно инструкциям о том, что всем представителям правительства, которые попытаются оказать сопротивление, должно быть сказано, что эти действия были предприняты по приказу канцлера Зейсса.

С этого началась революция, что привело к полной оккупации Австрии через три часа и к захвату партией всех важнейших постов.

Захват власти был делом, выполненным партией при легальном положении Зейсса в правительстве и поддержанным угрозой фюрера вторгнуться в страну...”

Запись телефонных переговоров Геринга и Зейсс-Инкварта от 11 марта 1938 г. (документ ПС-2949, США-76):

“Геринг: Как у Вас дела? Вы ушли в отставку или у Вас есть какие-нибудь новости?

Зейсс-Инкварт: Канцлер отменил выборы, которые были назначены на воскресенье, и поэтому он поставил “С” (Зейсс-Инкварта) и других господ в трудное положение. Помимо того, что он отменил выборы, он отдал приказ о широких мерах предосторожности, например, запретил появляться на улицах после восьми часов вечера”.

Геринг ответил, что, по его мнению, меры, принятые канцлером Шушнигом, неудовлетворительны во всех отношениях. В данный момент он не может компрометировать себя

официально. Скоро Геринг займет ясную позицию. В отмене выборов он видит только отсрочку, а не изменение нынешнего положения, которое было вызвано поведением канцлера Шушнига, из-за того, что последний порвал Берхтесгаденское соглашение...

Затем произошел разговор между Герингом и фюрером. После этого Геринг снова вызвал Зейсс-Инкварту. Этот разговор состоялся в 15 часов 05 минут.

“Геринг сказал Зейсс-Инкварту, что Берлин совершенно не согласен с решением, принятым канцлером Шушнигом, последний не пользуется больше доверием нашего правительства потому, что он порвал Берхтесгаденское соглашение. Поэтому не существует больше доверия к его действиям в будущем. Следовательно, национальному министру Зейсс-Инкварту и другим предлагается, чтобы они немедленно подали канцлеру прошение об отставке и также просили последнего уйти в отставку. Геринг добавил, что, если через час не будет ничего сообщено, они будут предполагать, что Зейсс-Инкварт больше не в состоянии звонить по телефону. Это будет значить, что господа вручили свои прошения об отставке.

Зейсс-Инкварту затем было предложено послать телеграмму фюреру, как было согласовано ранее. Конечно, после отставки Шушнига президент даст Зейсс-Инкварту полномочия создать новое правительство”.

Таким образом, вы видите, что в 2 часа 45 минут дня Геринг сказал подсудимому Зейсс-Инкварту по телефону, что Шушниг не удовлетворит их отменой выборов. Через 20 минут он снова позвонил Зейсс-Инкварту и сказал, что Шушниг должен уйти в отставку.

Это уже второй ультиматум. Через час, когда ему сообщили, что Шушниг действительно ушел в отставку, он указал, что в дополнение к этому необходимо, чтобы Зейсс-Инкварт стал во главе правительства...

Через час после разговора Геринга с Зейсс-Инквартом Геринг позвонил Домбровскому в германское посольство в Вену. Во время этого разговора Геринг проявил заботу о том, чтобы нацистская партия и все ее организации были немедленно узаконены:

“Геринг: Продолжаю наш разговор: партия определенно узаконена?

Домбровский: Даже нет необходимости говорить об этом.

Геринг: Со всеми ее организациями?

Домбровский: Со всеми ее организациями внутри страны.

Геринг: Носящими военную форму?

Домбровский: Носящими военную форму.

Геринг: Хорошо”.

Домбровский указал на тот факт, что СА и СС уже дежурили в течение получаса, что означает, что все в порядке. Помимо этого Геринг заявил, что австрийское правительство должно быть оформлено к 7.30 вечера, и передал инструкции Зейсс-Инкварту, кто должен быть назначен членом правительства:

“**Геринг:** Да, и к 7.30 он должен поговорить с фюрером, а что касается кабинета, то Кепплер передаст Вам фамилии. Одну вещь я забыл. Фишбок должен получить министерство безопасности, а Бар должен получить вооруженные силы. Австрийская армия должна находиться под руководством самого Зейсс-Инкварта, а насчет министерства юстиции — Вам все известно”.

Приблизительно через 20 минут, в 5.26 вечера, Герингу сообщили, что Миклас — президент — отказался назначить Зейсс-Инкварта канцлером, и тогда он дал указание об ультиматуме, который должен был быть вручен Микласу. Цитирую телефонные разговоры Геринга с Зейсс-Инквартом:

“**Геринг:** Теперь запомните следующее: немедленно отправляйтесь вместе с генерал-лейтенантом Маффом и скажите президенту, что если условия, о которых Вы знаете, не будут немедленно приняты, то войска, которые частью уже находятся на границе или приближаются к ней, начнут продвижение по всему фронту и Австрия прекратит свое существование. Генерал-лейтенант Мафф должен пойти с вами, чтобы вас немедленно допустили для переговоров. Пожалуйста, сообщите нам немедленно о позиции Микласа. Скажите ему, что сейчас не время для каких-либо шуток. Мы отложили действия только в связи с полученным нами ложным донесением, но сейчас положение таково: вторжение начнется сегодня ночью со всех концов Австрии. Вторжение будет приостановлено, и войска задержатся на границе только в том случае, если в 7.30 нам сообщат, что Миклас назначил вас на пост канцлера...”

Если Миклас не мог этого понять в течение 4 часов, то те-

перь мы заставим его понять то же самое в 4 минуты”. Через час, в 6.28 вечера, Геринг имел с Кепплером, Маффом и Зейсс-Инквартом телефонный разговор, который постоянно прерывался. Когда стало известно, что Миклас отказался назначить Зейсс-Инкварта, Геринг пришел в ярость и передал по телефону:

“Геринг: Ну, что же? Тогда Зейсс-Инкварт должен его выгнать. Пойдите снова наверх и прямо скажите ему, что Зейсс-Инкварт вызовет охрану национал-социалистов, и через 5 минут войска начнут продвижение по моему приказу”.

После перерыва Зейсс-Инкварт подошел к телефону и сообщил Герингу, что Миклас все еще придерживается своей старой точки зрения, хотя новое лицо вступило с ним в переговоры, и определенный ответ, возможно, будет получен через 10 минут. Разговор продолжался в таком тоне:

“Геринг: Послушайте, значит, я буду ждать еще несколько минут, пока он не вернется, а затем сообщите мне по прямому проводу в имперскую канцелярию, как обычно, но это должно быть сделано быстро. Я с трудом могу это оправдать. Я не имею права этого делать. Если это невозможно сделать, тогда Вы должны будете захватить власть, хорошо?

Зейсс-Инкварт: Но если он будет угрожать?

Геринг: Да.

Зейсс-Инкварт: А-а. Я понимаю. Тогда мы будем готовы,

Геринг: Позвоните мне по прямому проводу”.

Другими словами, Геринг и Зейсс-Инкварт сговорились о плане, по которому Зейсс-Инкварт должен был взять власть, если бы Миклас продолжал упорствовать. План, который уже обсуждался, предусматривал использование как национал-социалистических сил в Австрии, так и германских войск, пересекавших границу.

Позже, в ту же ночь, Геринг имел еще один разговор с Зейсс-Инквартом, приблизительно в 11 часов вечера. Это было после того, как истек срок ультиматума. Зейсс-Инкварт сообщил Герингу, что Миклас все еще отказывается назначить его, Зейсс-Инкварта, канцлером. Последовал затем такой разговор:

“Геринг: Хорошо, я дам приказ продвигаться в страну, а вы обеспечьте захват власти. Сообщите людям, стоящим у руководства, следующее: все, кто окажет сопротивление или будет организовывать сопротивление, будут преданы нашему

военному суду — военному суду наших войск вторжения. Это ясно?

Зейсс-Инкварт: Да.

Геринг: Включая людей, стоящих у руководства, не будет сделано никаких исключений.

Зейсс-Инкварт: Да. Они дали приказ о том, чтобы не оказывать никакого сопротивления.

Геринг: Да. Это не имеет значения. Президент не дал Вам полномочий, а это тоже можно рассматривать как сопротивление.

Зейсс-Инкварт: Да.

Геринг: Ну, что же? Теперь Вы имеете официальные полномочия.

Зейсс-Инкварт: Да”.

Геринг составлял планы вторжения в миролюбивую соседнюю страну, он собирался предать суду германских войск вторжения людей, стоящих у руководства этой страной... Затем по телефону было передано нечто очень примечательное, по крайней мере, так указывается в этих записях.

Но в то время имело место еще одно историческое событие, которое обсуждалось по телефону. Я ссылаюсь на известную телеграмму, посланную Зейсс-Инквартом германскому правительству, с просьбой к германскому правительству послать войска в Австрию и оказать Зейсс-Инкварту помощь в установлении “порядка”. Разговор, который произошел в 8.48 вечера между Герингом и Кепплером, был таков:

“Геринг: Послушайте, главное заключается в том, что если Инкварт захватит всю правительственную власть, то он захватывает и радиостанции.

Кепплер: Сейчас мы представляем правительство.

Геринг: Да, да! Вы — правительство. Слушайте внимательно: следующая телеграмма должна быть послана сюда Зейсс-Инквартом. Запишите. Диктую: “Временное австрийское правительство, которое после отставки правительства Шушнига считает своей задачей установление мира и порядка в Австрии, направляет германскому правительству безотлагательную просьбу о поддержке его в этой задаче и помощи, чтобы избежать кровопролития. С этой целью оно просит германское правительство прислать как можно скорее германские войска”.

Теперь следует сказать о посылке германских войск для “наведения порядка”. Части СА и СС шагали по улице, но все было спокойно. Далее:

“Геринг: Тогда наши войска перейдут границу сегодня.

Кепплер: Да.

Геринг: Да, он должен послать телеграмму как можно скорее.

Кепплер: Хорошо, пошлите телеграмму Зейсс-Инкварту в канцелярию государственного канцлера.

Геринг: Пожалуйста, покажите ему текст телеграммы и скажите ему, что мы пока просим... Да, впрочем, ему и не нужно посылать телеграмму, все, что ему нужно сделать, — это сказать: “согласен”.

Кепплер: Да”.

А через час, в 9.54 вечера, произошел следующий разговор между доктором Дитрихом в Берлине и Кепплером в Вене:

“Дитрих: Мне необходимо немедленно получить телеграмму.

Кепплер: Скажите генерал-фельдмаршалу, что Зейсс-Инкварт согласен.

Дитрих: Это замечательно. Спасибо.

Кепплер: Слушайте радио. Будут переданы новости.

Дитрих: Откуда?

Кепплер: Из Вены.

Дитрих: Значит, Зейсс-Инкварт согласен?

Кепплер: Да”.

Теперь я перехожу к приказу о вторжении в Австрию (документ С-182, США-77) — это директива верховного главнокомандующего вооруженными силами от 11 марта 1938 г. Эта директива, имеющая инициалы генерала Иодля и подписанная Гитлером, представляет собой приказ о вторжении в Австрию ввиду ее отказа согласиться с германским ультиматумом. Директива гласит:

“Совершенно секретно. Берлин, 11 марта 1938 года, 20.45. Верховный главнокомандующий вооруженными силами. 35 экземпляров. Экземпляр № 6”. Карандашом написано: “Главногокомандующий флотом информировал касательно “операции Отто”, директива № 2”.

“1. Требования, содержащиеся в германском ультиматуме,

австрийским правительством не выполнены.

2. Австрийские вооруженные силы получили приказ отступать перед германской армией после ее вступления в Австрию и избегать вооруженного столкновения с ней.

Австрийское правительство сложило свои полномочия.

3. Во избежание дальнейшего кровопролития в австрийских городах наступление германских вооруженных сил на Австрию начнется 12 марта на рассвете согласно директиве № 1.

Ожидается, что будут приложены все силы для быстрого достижения намеченных целей.

Адольф Гитлер”

С каким облегчением Гитлер в 10.25 вечера принял информацию принца Филиппа фон Гессена, его посла в Риме, о том, что Муссолини воспринял это событие весьма дружелюбно.

...Запись разговора показывает, каким восторгом был охвачен Гитлер (документ ПС-2949):

“Я только что вернулся из “Палаццо Венеция”. Дуче воспринял все хорошо. Он посылает Вам привет. Он получил сообщения из Австрии. Сам Шушниг передал ему новости. Тогда он (Муссолини) сказал, что ему это представляется совершенно невозможным. Это, очевидно, просто блеф. Такая вещь не может произойти. Однако ему ответили (Шушниг), что, к сожалению, все было организовано, и что ничего больше нельзя изменить. Муссолини заявил, что Австрия больше для него не существует.

“Гитлер: Тогда, пожалуйста, скажите Муссолини, что я никогда не забуду его за это...”

Гессен: Да.

Гитлер: Никогда, никогда, никогда, что бы ни произошло. Я все еще готов заключить с ним совершенно другое соглашение.

Гессен: Я ему это тоже сказал.

Гитлер: Как только австрийское дело будет завершено, я буду готов с ним идти в огонь и воду. Ничто другое не имеет значения...”

Поздно вечером 11 марта президент Миклас назначил подсудимого Зейсс-Инкварт канцлером. Объявление по радио о

назначении Зейсс-Инкварта было сделано в 11 час. 5 мин. (документ ПС-2465)...

В воскресенье, 13 марта 1938 г., через день после вторжения, подсудимый Геринг, которого Гитлер оставил в Берлине своим заместителем, позвонил по телефону в Лондон подсудимому Риббентропу (документ ПС-2929):

“Геринг: Скажите следующее Галифаксу и Чемберлену: “...Неверно, что Германия предъявила ультиматум. Это — ложь Шушнига, поскольку ультиматум был предъявлен ему Зейсс-Инквартом, Глейзе-Хорстенау и Юри, а также народными представителями. Насколько я знаю, там присутствовал только военный атташе, вызванный Зейсс-Инквартом, в связи с некоторыми техническими вопросами”...

Как вы помните, это был генерал-лейтенант, посланный Герингом. Предполагалось, что он запросит Германию, даст ли она поддержку войсками в случае, если об этом попросит Зейсс-Инкварт.

“Кроме того, я хочу заявить, что Зейсс-Инкварт настойчиво просил нас по телефону и в телеграмме послать войска, потому что он не знал положения в Вене и т. д., поскольку в Вене было роздано оружие. Кроме того, он не мог знать, как будет реагировать “Отечественный фронт”, потому что они всегда так много шумели.

Риббентроп: Господин Геринг, скажите мне, каково положение в Вене. Все уже установилось?

Геринг: Да, вчера я направил сотни самолетов с несколькими ротами с целью обеспечить безопасность аэродромов...”

Это довольно интересные объяснения. Из них следует, что ультиматум был предъявлен Зейсс-Инквартом, а не Герингом, что военный атташе генерал Мафф присутствовал только для того, чтобы ответить на какой-то технический вопрос, и что Зейсс-Инкварт настойчиво просил о присылке войск по телефону и телеграммой.

...Среди заговорщиков, которые в особенности активно действовали в отношении Австрии, были фон Папен, Зейсс-Инкварт, фон Нейрат, Риббентроп и Геринг.

Я думаю очевидно, что это опасные люди. Они использовали свою власть без каких-либо ограничений. Они использовали свою власть для того, чтобы лишить других независимости и свободы. Они добавили к силе обман, они добавили к

угрозам легальные технические приемы и обходные маневры, надевая маску святоша для того, чтобы прикрыть свою двуличность. Я думаю, они опасные люди.

В соответствии с директивой от 11 марта 1938 г. германская армия пересекла австрийскую границу на рассвете 12 марта 1938 г. Гитлер издал прокламацию к германскому народу, объявляя о вторжении и пытаясь оправдать это вторжение (документ С-182, США-77).

Представляю документ Л-292 — телеграмму № 70 американского посольства в Вене государственному секретарю США от 12 марта 1938 года:

“Государственному секретарю, Вашингтон, № 70, 12 марта, полдень.

Многочисленные германские бомбардировщики летают над Веной, сбрасывают листовки, в которых написано; “Национал-социалистская Германия приветствует национал-социалистскую Австрию и ее новое правительство, которые соединились в нерушимый союз”. Продолжаются разговоры о продвижении небольших германских частей в Австрию и предполагаемом прибытии австрийского легиона. СС и СА установили полный контроль в Вене. Полицейские носят на рукаве изображение свастики. Шушник и Шмидт, по слухам, арестованы. Гиммлер и Гесс здесь”. Подписано “Уили”.

Микласа заставили уйти в отставку с поста президента. Зейсс-Инкварт стал одновременно и канцлером и президентом.

Затем он подписал федеральный конституционный закон от 13 марта 1938 г. о присоединении Австрии к Германской империи.

Этот федеральный конституционный закон объявлял Австрию провинцией Германской империи. Присоединив Австрию к Германской империи, Германия тем самым нарушила ст. 80 Версальского договора, которая предусматривала следующее:

“Германия признает, и будет уважать независимость Австрии в пределах тех границ, которые могут быть установлены договором между этим государством и основными союзными и присоединившимися к ним державами. Она согласна с тем, чтобы эта независимость была нерушимой”.

В то же время Германия нарушила статью 88 Сен-Жерменского договора, которая предусматривает:

“...Независимость Австрии является нерушимой, нарушение может произойти только с согласия Совета Лиги наций. Следовательно, самостоятельно, без разрешения названного Совета Австрия не должна предпринимать никаких действий, которые прямо или косвенно будут угрожать ее независимости...”

Австрийские чиновники должны были принять присягу и поклясться в верности Гитлеру — фюреру германской империи и германского народа. Чиновникам-евреям было запрещено принимать эту присягу.

Я ссылаюсь на “Декрет фюрера и имперского канцлера относительно принятия присяги чиновниками в провинции Австрии от 16 марта 1938 г.” (документ ПС-2311).

Гитлер и Фрик подписали декрет, вводящий в Австрии различные имперские законы, включая закон от 1933 года, запрещающий создание новых политических партий, и закон от 1933 года о сохранении единства партии и государства.

Я ссылаюсь на “Первый декрет фюрера и имперского канцлера относительно введения германского имперского закона в Австрии от 15 марта 1938 г.” (документ ПС-2310).

Гитлер, Фрик и Геринг приказали, чтобы имперский министр внутренних дел взял на себя центральную власть по проведению воссоединения Австрии с Германской империей. Я ссылаюсь на приказ, изданный в соответствии с законом о воссоединении Австрии с германской империей от 16 марта 1938 г. (документ ПС-1060).

После захвата Австрии территория Германии стала напоминать “волчью пасть, которая как бы охватывала голову” Чехословакии. Желание Германии завершить аншлюс и ее решимость достичь этой цели именно в это самое время и таким путем, каким она это сделала, то есть, угрожая военной силой, быстро и, несмотря на политический риск, обосновывались значением Австрии в дальнейших планах агрессии.

На совещании 5 ноября 1937 г., на котором планировалась агрессивная война в Европе, указывалось, что целью присоединения Австрии является усиление мощи Германии.

Австрия должна была предоставить Германии материальные ресурсы, и, более того, она предоставляла валюту, захваченную у евреев и у австрийского правительства.

Одним из первых приказов, проведенных после аншлюса

был приказ, подписанный Гитлером, Фриком, Шверин фон Крозигом и Шахтом, о передаче рейху капиталов австрийского национального банка. Приказ о передаче австрийского национального банка рейхсбанку от 17 марта 1938 г. представлен как документ ПС-2313.

Приобретение Австрии улучшило военно-стратегическое положение германской армии, как это было отмечено в лекции, прочитанной генералом Иодлем — начальником штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил — 7 ноября 1943 г. в Мюнхене, на собрании гаулейтеров:

“Австрийский “аншлюс”, в свою очередь, привел не только к достижению нашей давней национальной цели, но так же и укрепил боевую силу империи и значительно улучшил стратегическое положение. До того времени территория Чехословакии вдавалась самым угрожающим образом прямо в Германию (осиная талия в направлении Франции - территория, которая могла стать воздушной базой для союзников, особенно для России). Теперь Чехословакия сама попала в клещи. Ее стратегическое положение стало таким неблагоприятным, что она должна была стать жертвой любой атаки, которая была бы энергично направлена прямо в цель и проведена до того, как могла бы прибыть эффективная помощь с Запада” (документ Л-172, США-34).

Теперь нацистские заговорщики были готовы провести в жизнь вторую часть этой второй фазы их агрессии и захватить Чехословакию.

Из допроса свидетеля Г. Шмидта

Стенограмма заседания Международного военного трибунала от 13 июня 1946 г. [11. Т. 16. С. 149-177, см. также 4. С. 518-541]

Штейнбауэр (защитник подсудимого Зейсс-Инкварта, по ходатайству которого Шмидт был вызван в качестве свидетеля): Господин свидетель, какие посты Вы занимали в Австрийской республике?

Шмидт: Я был по профессии дипломатом. В 1936 году при канцлере докторе Шушнице я стал статс-секретарем и потом министром иностранных дел. Я состоял в правительстве Шушница до его вынужденной отставки.

Штейнбауэр: Какие причины экономического и внешнеполитического характера повели к заключению соглашения от 11 июля 1936 г.?

Шмидт: С начала 1936 года внешнеполитическое положение Австрии изменилось в неблагоприятную для Австрии сторону. После событий в июле 1934 года Англия, Франция и Италия подписали в Стресе заявление трех держав относительно сохранения независимости Австрии. Кроме существовавших до этого международных обязательств, эти три державы создали новую гарантию для сохранения независимости Австрии — фронт в Стресе, который в течение всего 1935 года выполнял функции по защите Австрии. Развал этого фронта вследствие операций Муссолини в Абиссинии означал для Австрии потерю единственной практической международной гарантии, а для канцлера Шушница — создание совершенно новой ситуации. По его внешнеполитическим планам охрана независимости Австрии должна была быть возложена не только на плечи Италии, но и на плечи других стран, то есть Франции и Англии. К этому следует еще добавить также те трудности, которые возникали вследствие развития общеевропейского положения с 7 марта 1936 г., с того дня, когда Адольф Гитлер положил начало своей политике неожиданностей, заняв Рейнскую область и не встретив при этом серьезного сопротивления со стороны западных держав. Это вызвало у австрийского правительства опасение, что в один прекрасный день и австрийский вопрос будет решен с помощью неожиданностей”

или, как мы увидим после, с помощью силы. Нельзя не упомянуть этих причин, точно так же, как и начавшееся сближение между Римом и Берлином, которое относится как раз к этому времени и объясняется также политикой санкций Лиги наций. Австрия, расположенная между Италией и Германией, должна была считаться с тем, что существовавшая при Дольфусе итало-австрийская дружба когда-нибудь станет жертвой более тесного сближения между Римом и Берлином.

По этим причинам и, исходя из других соображений, Шушниг искал средства для улучшения отношений, то есть для восстановления отношений между Австрией и Германией.

Возможно, в этой связи было бы уместно поговорить о некоторых основных принципах внешней политики Австрии. Основой австрийской внешней политики была тенденция к сохранению австрийской независимости. Австрийская внешняя политика основывалась, далее, на признании очень трудного и неудобного географического положения этой страны, зажатой между двумя авторитарными государствами и находящейся в центре идеологических столкновений Европы. Задачей внешней политики Австрии должно было быть достижение договоренности с крупным соседом — Германией. Она должна была основываться на решимости избегать всего, что могло бы повести к конфликту с Германской империей, избежать всего, что могло бы побудить Германию к совершению насильственных действий, которых можно было ожидать после 7 марта. Таким образом, реальные политические причины были решающими при принятии данного решения — восстановить отношения с Германской империей, с которой мы говорим на одном языке и с которой до этого у нас искусственным путем были разорваны эти отношения. Наряду с внешнеполитическими причинами играли роль также и экономические соображения. Мировой экономический кризис особенно задел Австрию, экономическая структура которой была хотя и жизнеспособна, но крайне слаба. Это мы можем понять лишь тогда, когда проследим развитие событий с начала образования этого молодого государства. С самого начала соседние страны проводили политику шовинизма и эгоистических интересов, и никогда не удавалось добиться тесного экономического сотрудничества всех придунайских стран. Справедливо, что были достигнуты отдельные соглашения, как, например,

римские протоколы, но обоюдное недоверие, вынесенное из-под общего крова австрийской монархии, осталось, и оно препятствовало дальнейшему здоровому развитию. Затем, с 1931 года, с начала мирового экономического кризиса, делается ряд попыток получить друг от друга помощь. Это начинается с попытки правительства создать таможенную унию, которая потерпела поражение вследствие сопротивления Лиги наций. В 1932 году Франция стремилась объединить Австрию и Венгрию в Малую Антанту и, таким образом, добиться экономического сотрудничества. Но и здесь снова они натолкнулись на сопротивление Германии и Италии, а также и Англии, которая относилась к этому отрицательно.

В 1933 году к этому затруднительному экономическому положению добавилась еще внутривластная борьба с национал-социализмом. И эта борьба оказала отрицательное влияние на развитие экономической жизни Австрии, так как и экономика была втянута в эту внутривластную борьбу.

Председатель: Доктор Штейнбауэр, выступление свидетеля, несомненно, представляет большой интерес, но имеет, однако, весьма отдаленное отношение к тем вопросам, которые должен решать Трибунал. Правда, я не знаю, достаточно ли для Вас осветил эти вопросы свидетель.

Штейнбауэр: Господин председатель, этим объяснением я хотел показать, что, с точки зрения экономики и внешней политики, обстановка была такова, что роль подсудимого была, собственно, отодвинута на задний план. Разрешите продолжать, господин председатель?

Шмидт: Все это привело к нарушению экономических отношений с Германской империей, и вследствие этого борьба за экономическое существование Австрии вступила в очень серьезную фазу. Исходя из этих соображений, канцлер Шушницг пытался добиться договоренности с германской империей и нормализовать экономические отношения, которые были до того полностью прекращены, то есть он хотел добиться отмены запрета на провоз суммы свыше 1000 марок, оживления судоходства на Дунае, восстановления транспорта, возобновления разрешения на проезд туристов и прекращения жалоб, поступающих из провинций Австрии в связи со сбытом сельскохозяйственных продуктов, леса, зерна, скота и т. д. В основном это были главные соображения.

Штейнбауэр: Я Вас спрашиваю теперь: содействовал ли доктор Зейсс-Инкварт подготовке или заключению этого соглашения от 11 июля 1936 г.?

Шмидт: Нет. Канцлер Шушниг во время этих переговоров работал исключительно с Глейзе-Хорстенау, который являлся представителем так называемой национальной оппозиции.

Штейнбауэр: Доктор Зейсс-Инкварт весной 1937 года начал заниматься политической деятельностью, и Вы, очевидно, лишь тогда познакомились с ним?

Шмидт: Да, я познакомился с ним лишь летом 1937 года.

Штейнбауэр: Я перехожу теперь к дальнейшему периоду времени и хотел бы спросить Вас, какие внутренние и внешние политические причины привели к известной встрече Адольфа Гитлера и доктора Шушнига в Берхтесгадене?

Шмидт: В конце 1937 — начале 1938 года вторично наступило ухудшение внешнеполитического положения Австрии. Италия выступила в Испании на стороне Франко и заключила с ним соглашение, что отрицательно сказалось на ее военном и политическом положении применительно к решению вопросов Центральной Европы. То, что мы называем “властью над Бреннером”, прекратило свое существование, и Германия получила широкую возможность свободы действий по отношению к Австрии.

Председатель: Доктор Штейнбауэр, Трибунал знаком с общеизвестными историческими фактами, имевшими место то время. Нет необходимости рассматривать этот вопрос настолько подробно.

Штейнбауэр: Господин свидетель, в таком случае я хотел бы Вас попросить сказать мне, присутствовали ли Вы в Оберзальцберге?

Шмидт: Да. Я хотел бы добавить, если мне не будет разрешено остановиться на вопросе исторического развития, — а я считаю этот вопрос таковым, — что канцлер Шушниг принял это приглашение, чтобы избавить Австрию от упрека в том, что она отклонила мирные попытки устранить имевшиеся разногласия между Австрией и Германской империей. Канцлер Австрии, следовательно, никоим образом не был настроен оптимистически уже хотя бы потому, что существовавшие разногласия были чрезвычайно велики и были связаны не только с личностью партнера по переговорам.

Я помню, что Шушниг сказал мне перед отъездом, что он придерживается того мнения, что, возможно, лучше было бы, если бы вместо него к Гитлеру поехал профессор Вагнер Юрек, самый крупный психиатр Вены. Однако он это сделал потому, что, учитывая чрезвычайно тяжелое, неблагоприятное положение Австрии, считал, что ему необходимо это сделать для того, чтобы предотвратить насильственные действия и выиграть время, пока международное положение не сложится в пользу Австрии. К сожалению, мы были правы, когда мы опасались возможности нападения или будущих трудностей. Мы были правы, когда опасались, что Австрия будет изолирована. Понимание того, что Австрия будет изолирована, было, пожалуй, одной из важнейших причин, имевших значение для Шушнига, вместе с соображением относительно того, что таким образом можно будет пережить этот трудный период и выиграть время. Австрия должна была пройти этот трудный путь в те мрачные времена, которые наступили в последние дни зимы 1937 до марта 1938 года, без надежды на скорую или отдаленную помощь. Так дошло до Берхтесгадена.

Штейнбауэр: Вы как министр иностранных дел сообщили крупнейшим державам об известных событиях в Берхтесгадене?

Шмидт: Да, несмотря на то, что в прессе часто утверждалось обратное, все заинтересованные крупные державы подробно информировались о событиях как перед встречей в Берхтесгадене, так и после. Я предоставил в распоряжение руководителя политического отдела, к которому в первую очередь обращались все иностранные дипломаты, весь нужный материал. Канцлер Австрии сам и я подробно информировали представителей всех аккредитованных в Вене держав и обращали также их внимание на опасность положения в стране.

Председатель: Простите, что я Вас прерываю. Нам бы не хотелось выслушивать все детали. Вы уже сказали о том, что Вы информировали иностранные державы как до, так после этого. Вполне достаточно.

Штейнбауэр: Мы возвращаемся к делу подсудимого. Я повторяю свой вопрос: принимал ли Зейсс-Инкварт участия в этом совещании?

Шмидт: В каком совещании?

Штейнбауэр: В Берхтесгадене.

Шмидт: Нет.

Штейнбауэр: Затем он стал министром внутренних дел и полиции и поехал к Адольфу Гитлеру в Берлин. Сообщил ли он Шушнигу содержание его первого разговора с Адольфом Гитлером?

Шмидт: Я об этом не знаю. Однако я знаю об отдельных высказываниях статс-секретаря доктора Цернатто, из которых я могу заключить, что об этом совещании велась беседа между Зейсс-Инквартом и доктором Цернатто — руководителем “Отечественного фронта”.

Штейнбауэр: Из этого можно заключить, что Шушниг узнал об этой встрече через Цернатто?

Шмидт: Да, я предполагаю, что это было так.

Штейнбауэр: Теперь мы переходим к дальнейшему периоду. Я буду говорить о мартовских днях 1938 года. Шушниг планировал тогда народный плебисцит. Знаете ли Вы о том, что Шушниг извещал об этом Зейсс-Инкварта и говорил ли он с ним об этом:

Шмидт: Да, Зейсс-Инкварт, безусловно, был информирован об этом. Я также узнал, что приблизительно 10 марта было достигнуто соглашение между Зейсс-Инквартом и канцлером Австрии, так как канцлер рассказывал мне, что Зейсс-Инкварт даже заявил, что он готов выступить по радио в пользу плебисцита.

Штейнбауэр: Когда Глейзе-Хорстенау сообщил о том, что страна под угрозой вступления нацистских войск, Вы как министр иностранных дел известили об этом иностранные государства?

Шмидт: Да. Я не получал прямых сообщений от Глейзе-Хорстенау. Я узнал о критическом положении лишь из ультиматума, в котором требовалась отмена намеченного канцлером на 13 марта плебисцита. И начиная с этого момента, в течение всего 11 марта имелся контакт с дипломатическим корпусом в Вене, а в последующие часы — также и с нашими представителями в иностранных государствах.

Штейнбауэр: Требования Германии стали тогда все больше возрастать, и, в частности, было поставлено требование об отставке Шушнига. Собрались министры, и один из членов правительства сказал Зейсс-Инкварту следующее: “Мы теперь ясно видим, что империя хочет покончить с Австрией.

Лучше всего будет, если Зейсс-Инкварт станет канцлером. Таким образом, переход в новое состояние будет, по крайней мере, терпимым”. Вы вспоминаете о таком высказывании?

Шмидт: Нет. Я лишь позже узнал о предложении министра Глейзе-Хорстенау в отношении Зейсс-Инкварта.

Штейнбауэр: Было ли у Вас впечатление, что после прощальной речи Шушнига прекратил свое существование и руководимый им “Отечественный фронт”?

Шмидт: Мне кажется, вопрос неправильно отражает ситуацию. Было выдвинуто ультимативное требование об отставке канцлера, и, наконец, государство было оккупировано войсками, и тем самым “Отечественный фронт”, естественно, также прекратил свое существование, так как с вступлением немецких войск национал-социализм стал реальностью, которая, как это показало дальнейшее развитие, исключала возможность существования “Отечественного фронта”.

Штейнбауэр: Зейсс-Инкварт затем был назначен канцлером Австрии. Он составил список членов кабинета министров и наметил Вас, господин свидетель, на пост министр иностранных дел, — это правильно?

Шмидт: Это правильно. Я, однако, отказался от этого. Затем ко мне еще раз обратились с этим предложением, но я снова отказался, и затем меня попросили изложить причины отказа. Зейсс-Инкварт заявил мне, что он намеревается, пока это будет возможно, сохранять независимость Австрии. Он боялся с его правительством национал-социалистского большинства натолкнуться на трудности на Западе и поэтому хотел использовать в правительстве мой дипломатический опыт и связи. Он добавил, что намеревается путем привлечения позитивно настроенных австрийских представителей создать более широкую платформу для этого правительства.

Штейнбауэр: Вы обнаружили в списке министров имена этих австрийских представителей?

Шмидт: Да, там такие фамилии имелись. Я сам ломал себе голову над этим, но не могу с уверенностью вспомнить отдельных фамилий.

Штейнбауэр: Известно ли Вам, почему потом был составлен другой список членов кабинета министров, который являлся окончательным?

Шмидт: Вечером прибыл из Берлина статс-секретарь Кеп-

Кепплер, и, как я узнал позже, он отклонил мою кандидатуру и, мне кажется, также и некоторых других, во всяком случае, относительно одного я знаю совершенно точно. Мне кажется, что он также по поручению Берлина предложил, чтобы Вебер занял пост министра иностранных дел. Таким образом, старый список отпал, и Зейсс-Инкварт больше не прилагал усилий к тому, чтобы отговорить меня от отказа.

Штейнбауэр: Полагаете ли Вы, что Зейсс-Инкварт намеревался сохранить независимость Австрии, правда, уже при национал-социалистском руководстве?

Шмидт: Как свидетель я могу лишь сказать то, что я знаю. Высказывать мнение очень трудно. Я лишь сообщил то, что он мне сказал.

Штейнбауэр: Благодарю Вас. У меня нет больше вопросов к данному свидетелю.

(К микрофону подходит доктор Кубушок - защитник фон Папена)

Кубушок: Согласно заявлению американского посла в Вене мистера Мессерсмита, фон Папен в начале своей деятельности в Вене заявил о том, что его настоящей задачей в Вене является экономическое и политическое включение Юго-Восточной Европы в Германию (поскольку Юго-Восточная Европа является естественной внутренней областью Германии).

Вы, господин свидетель, слышали о таком высказывании Папена?

Шмидт: Нет. При тех тесных связях, которые у меня были еще до моего назначения членом правительства и, в особенности, в последующее время с послом Мессерсмитом, я, очевидно, узнал бы об этом. Я предполагаю, что этому вопросу, однако, все же не придавалось такое особое значение, так как во время первых посещений дипломатов, как правило, они в беседе затрагивают лишь общие вопросы и обсуждают общеполитические вопросы, которые интересуют обе страны.

Я позже также не имел возможности установить, что немецкое посольство занимается вопросами политики Юго-Восточной Европы.

Кубушок: На основании тех же показаний господина Мес-

Мессерсмит, фон Папен тогда также заявил, что его усилия были направлены на ослабление и подрыв австрийского правительства. Считаете ли Вы, что господин фон Папен действительно высказал это мнение и — что гораздо более важно — проводил ли он такую политику?

Председатель: Подождите, доктор Кубушок, Вы не должны спрашивать его о том, полагает ли он, что такое мнение могло быть высказано или нет. Это лишь не имеющее под собой реального основания предположение, а не доказательство. Поэтому этот вопрос должен быть отклонен, ответ на него не должен даваться, и он будет вычеркнут из протоколов суда.

Кубушок: Хорошо, я задам следующий вопрос. Сообщал ли Вам посол Мессерсмит когда-нибудь о подобном высказывании господина фон Папена?

Шмидт: Нет.

Кубушок: Считало ли австрийское правительство полезным и необходимым снова установить отношения с империей путем заключения соглашения, как это было сделано в июле 1936 года?

Шмидт: Да, я уже говорил о реальных причинах внешнеполитического и экономического характера.

Кубушок: При этом, а также и во время последующих переговоров, играли ли роль внутривполитические причины, в особенности урегулирование партийного вопроса?

Шмидт: Естественно, задачей правительства было ликвидировать внутривполитическое напряженное положение, и австрийский канцлер должен был прилагать все усилия для того, чтобы найти выход из тяжелого положения, унаследованного им от Дольфуса, путем ликвидации внутривполитических противоречий.

Кубушок: Полагаете ли Вы, что фон Папен заключил июльское соглашение 1936 года, преследуя обманные цели?

Шмидт: Нет, у меня не было повода сделать вывод, что он в заключении этого соглашения не усматривал серьезной попытки для установления “модус вивенди” между Германской империей и Австрией. Тот факт, что, в конце концов, это привело к “модус мали вивенди”, ничего не меняет.

Кубушок: Были ли со стороны Германии заявлены жалобы на то, что и после соглашения от 11 июля 1936 г. не наступило никакого изменения во внутривполитическом курсе авст-

рийского правительства?

Шмидт: Да, такие упреки мы слышали все время, и, таким образом, мы подходим к последней и существенной причине конфликта с империей. Борьба с национал-социализмом внутри страны в интересах сохранения независимости страны и сотрудничество на основании соглашения от 11 июля с Германской империей, руководство которой было национал-социалистским, — были теми двумя властными требованиями, которые через некоторое время австрийское правительство сочло несовместимыми. Этим объясняются и все трудности, с которыми столкнулись те люди, на которых было возложено выполнение этого соглашения в Вене, включая германского посла.

Кубушок: Подвергались ли обсуждению между канцлером и фон Папеном вопросы внутренней политики, такие, как вопросы личного состава, а также вопросы по существу так называемой национальной оппозиции, в силу имевших место условий и вытекающие из июльского соглашения?

Шмидт: Только что описанное мною положение показывает, что такие обсуждения, очевидно, были неизбежными и что беседы о внутреннем политическом положении имели место между канцлером и германским послом так же, как с итальянским послом. Это вполне обычное дело. Я не знаю таких дипломатических мемуаров, которые не содержали бы подобного рода записей. Канцлер никогда бы не потерпел никакого вмешательства любого рода. В вопросах, касающихся конкретных лиц, Шушниг был особенно сдержанным, так как он, если можно так сказать, опасался “тroyанских коней”.

Таково было примерно положение, которое обсуждалось в беседах между канцлером, с одной стороны, и германским послом — с другой стороны.

Кубушок: Можете ли Вы сказать, проявлялось ли отрицательное отношение фон Папена к методам нелегальной партии?

Шмидт: Да, на основании тех сведений, которые получало правительство, нелегальное руководство партии, в особенности Леопольд, отрицательно относились к Папену. Это, безусловно, следует объяснить принципиальными разногласиями, разными политическими убеждениями и различными политическими путями, которыми были намерены идти фон

Папен, с одной стороны, и нелегальное руководство партии — с другой стороны.

Кубушок: Занимал ли фон Папен, на основании июльского соглашения, когда-либо агрессивную позицию в вопросах внешней политики Австрии?

Шмидт: Между Австрией и империей имелись непреодолимые разногласия не только в области культурных и внутриполитических связей, но и в области внешней политики. Я упомяну лишь требование империи о том, чтобы Австрия вышла из Лиги наций, требование, которое мы отклонили, указав на тот факт, что Австрия в силу ее географического положения и исторических предпосылок тесно связана с континентом, и также сославшись на то, что Австрия получила займы от Лиги наций.

Вторым пунктом является отношение Австрии...

Председатель (прерывая): Является ли все это ответом на вопросы, которые Вы ему задали?

Шмидт: Я сейчас перейду...

Кубушок: Это только вступление к ответу на мой вопрос.

Председатель: Скажите, пожалуйста, свидетелю, чтобы он отвечал на Ваш вопрос и излагал ответ, а не вступление к нему.

Кубушок: Для меня важно знать, воспользовался ли фон Папен имевшимися возможностями для агрессивного вмешательства в австрийскую внешнюю политику в отдельных, упомянутых Вами случаях.

Шмидт: Я хотел сказать, что, несмотря на существование глубоких разногласий, это не имело места и что какой-либо посол более радикальных взглядов, несомненно, использовал бы возможность и нашел бы повод для более жестких действий по отношению к Австрии. Мы ни в одном случае не пришли к соглашению с Германской империей о совместных действиях в области внешней политики. Фон Папен, правда, напомнил нам об этом, но этим все и ограничилось. Что же касается агрессии или деятельности агрессивного характера, — я ничего не могу сказать об этом.

Председатель: Желает ли обвинение произвести перекрестный допрос?

(К микрофону подходит представитель американского об-

винения г-н Додд.)

Додд: Если это Вам известно, скажите, когда в первый раз подсудимый фон Папен предложил канцлеру Шушнигу чтобы он, Шушниг, встретился с Гитлером?

Шмидт: Это было поздней осенью 1937 года, в ноябре Фон Папен взялся за организацию этой встречи. Переговоры о ней не дали конкретных результатов. Официально приглашение фон Папен передал 6 или 7 февраля, вернувшись от Гитлера. В этот день я и узнал о приглашении.

Додд: Скажите нам также, если это Вам известно, не заверял ли фон Папен Шушнига в том, что это совещание ограничится обсуждением строго ограниченного круга вопросов и, что на нем будут обсуждаться лишь те вопросы, которые были намечены Шушнигом и фон Папеном до совещания?

Шмидт: Сам канцлер требовал, чтобы программа этих переговоров была точно установлена. Он предлагал принять за основу соглашение от 11 июля и окончательно устранить все существующие разногласия. Об этом договорились Шушниг и Папен.

Додд: Уверял ли фон Папен Шушнига в том, что это совещание будет благоприятным для Австрии?

Шмидт: Нет, Папен этого не утверждал, но он, правда, заявил, что ситуация весьма благоприятна, причем Папен указывал на новую обстановку, создавшуюся после 4 февраля. Он считал, что Гитлеру после этих событий необходимо добиться какого-либо внешнеполитического успеха, поэтому канцлер может надеяться недорогой ценой достигнуть такого успеха.

Додд: Я хочу выяснить здесь — причем Вы можете отвечать кратко, это, мне кажется, будет для нас удобнее — вопрос, который сводится к следующему: у Вас и у Шушнига создалось впечатление, что если Вы будете присутствовать на этом совещании, то это создаст некоторые преимущества для Вас и для Австрии? Не так ли?

Шмидт: Я уже сказал ранее, что канцлер не был настроен оптимистически, то есть не надеялся на улучшение положения. Он хотел лишь урегулировать существовавшие разногласия.

Додд: Вечером, накануне Вашего отъезда в Берхтесгаден, у Вас был разговор с человеком по фамилии Хорнбастель, не

так ли? С послем?

Шмидт: Да.

Додд: А предварительно в тот вечер Вы беседовали с Зейсс-Инквартом, Вы и Шушниг?

Шмидт: Это возможно, в те дни часто происходили совещания.

Додд: Быть может, я сумею немного помочь Вам. Не помните ли Вы, что Цернатто и Зейсс-Инкварт составляли какой-то меморандум, касающийся внутренних вопросов, в то время как Вы и, кажется, Хорнбастель, а может быть, кто-то другой, готовили документ или документы по международным вопросам, или по вопросам внешней политики. Не помогает ли это Вам припомнить ход событий?

Шмидт: Я ничего не понял.

Додд: Я говорю о том времени, когда Вы и некоторые из Ваших сотрудников готовили какой-то меморандум относительно вопросов внешней политики, а Цернатто и Зейсс-Инкварт готовили документы о внутреннем положении в стране. Вы помните об этом, не так ли?

Шмидт: Да.

Додд: Вы были встревожены в этот вечер по поводу Зейсс-Инкварта, не так ли?

Шмидт: Да.

Додд: А почему Вы были встревожены? Что вызывало у вас тревогу, чего Вы опасались со стороны Зейсс-Инкварта?

Шмидт: Все те проекты, которые я получил перед отъездом, и которые были выработаны Цернатто и Зейсс-Инквартом в качестве основы для внутриполитической части переговоров, — все эти проекты казались мне в политическом отношении нежизненными и совершенно непригодными. У меня создалось впечатление, что над ними работали два человека, которые с удовольствием сочиняли проекты, не понимая серьезности ситуации. Здесь были употреблены всевозможные формулировки относительно австрийского национал-социализма, причем делалось различие между идеологией австрийского национал-социализма и истинного национал-социализма. На самом деле никакой разницы нет. Австрийское национал-социалистское мировоззрение является настоящим национал-социалистским. Все это я тогда раскритиковал в своих выступлениях.

Додд: Вы согласитесь со мной, если я скажу, что между ним и Гитлером существовала какая-то тайная договоренность, которая должна была повлечь за собой нечто недоброе для Австрии? Под “ним” я имею в виду Зейсс-Инкварт.

Шмидт: Нет, у меня тогда не было опасений, что существует тайное соглашение между Гитлером и Зейсс-Инквартом.

Додд: Когда Вы на следующий день прибыли в Берхтесгаден, Вы узнали, что большая часть материала, который обсуждался между Цернатто, Вами, Зейсс-Инквартом и Шушником, была использована Гитлером в качестве основы его требований к Шушнику, не так ли?

Шмидт: Да.

Додд: Не убедились ли Вы, по крайней мере, в этот день в том, что Зейсс-Инкварт связался с Гитлером незадолго до того, как Вы прибыли в Берхтесгаден и сообщил ему эти основные требования?

Шмидт: У нас только создалось впечатление, что в основе совещания лежал проект, который был выработан людьми, знающими все обстоятельства дела. Основой этой программы требований были те договоренности, которые существовали между Зейсс-Инквартом и Цернатто. Всей программы мы до того не знали.

Додд: В тот день в Берхтесгадене Вы и Шушник представляли Австрию?

Шмидт: Да.

Додд: Гитлер, фон Папен, фон Риббентроп, Кейтель, Шперле и Рейхенау представляли Германию?

Шмидт: Да.

Додд: Вы, фон Папен и Шушник все вместе ехали в одном вагоне от границы до Берхтесгадена, не правда ли?

Шмидт: Да. Я не помню, ехал ли Папен туда в нашем вагоне. Обрато мы ехали все вместе.

Додд: Независимо от того, ехал ли он с Вами в одном вагоне, он был в том же поезде. Разве он не сел в этот поезд на границе и не ехал затем с Вами и Шушником?

Шмидт: Этого я не помню.

Додд: Разве он Вас не встретил на границе?

Шмидт: Да, он нас ожидал на границе.

Додд: Может быть, я что-нибудь и путаю, но меня интересует тот разговор, который Вы и Шушник имели с фон Папе-

ном, когда Вы встретились с ним на границе или во время пути в Берхтесгаден, когда он сказал вам: “Между прочим, там будет несколько генералов, я надеюсь, Вы не имеете ничего против этого”. Вы помните, что фон Папен это сказал?

Шмидт: Да, я помню, что о генералах шла речь. Он сказал Шушнигу, что будет присутствовать... не помню, назвал ли он при этом имя Кейтеля.

Додд: Итак, об этом было упомянуто скорее вскользь, и у Вас не было возможности возразить против этого? А до этого времени Вы не знали, что там будут военные?

Шмидт: До того времени мы ничего не знали об этом.

Додд: В какое время дня Вы приехали в Берхтесгаден? Рано утром или утром же, но позднее?

Шмидт: В первой половине дня.

Додд: Я хотел бы, чтобы Вы сообщили Трибуналу как можно точнее, что же именно произошло там в тот день. Об этом совещании мы слышали уже много показаний, но Вы — первый человек, дающий здесь показания, который сам был там. Хотя, пожалуй, это не совсем так — Кейтель тоже там присутствовал, но, во всяком случае, Вы принимали участие в обсуждении. С чего началось обсуждение?

Шмидт: Совещание началось с беседы между Гитлером и канцлером Шушнигом. Беседа происходила с глазу на глаз, так что ни я, ни другие господа не присутствовали при этом. Позднее туда были приглашены некоторые из присутствовавших. Затем состоялись совещания без Гитлера, с участием тогдашнего министра иностранных дел Риббентропа, и на этих совещаниях обсуждались все пункты предложенной нам программы. В процессе этих совещаний некоторые требования были вычеркнуты.

Додд: В то время, когда Гитлер говорил с Шушнигом, с кем говорили Вы, если Вы вообще с кем-нибудь говорили в то время? Что Вы делали?

Шмидт: Я был вместе с остальными приехавшими, которых Вы назвали. Часть времени мы провели в большом зале, а другую часть — в приемной перед комнатой, где происходило это совещание четырех.

Додд: Разговаривали ли Вы, например, с Риббентропом в то время, когда Гитлер беседовал с Шушнигом? Что там происходило? О чем Вы беседовали с Риббентропом, если Вы го-

ворили с ним?

Шмидт: В послеобеденные часы мы с Риббентропом рассматривали программу требований. Частично я делал это один. Мне удалось удалить оттуда некоторые пункты. Таким образом, это были беседы в рамках предъявленной нам программы требований.

Додд: Я хотел бы, чтобы Вы пока ограничились рассказом лишь о том, что происходило там, для того, чтобы мы установили точную последовательность происшедших событий. Итак, в то время, когда Шушниг беседовал с Гитлером, Вы действительно просто сидели и вели неофициальный разговор или же Вы беседовали с Риббентропом или еще с кем-нибудь об Австрии и Германии?

Шмидт: Нет, в первой половине дня мы еще не говорили об этом, так как мы — во всяком случае, я — еще не знали этой программы, а политические переговоры могли происходить только на базе обоюдных высказанных пожеланий обеих сторон.

Додд: Но ведь, очевидно, во время заседания были перерывы, и в течение этих перерывов, не удалось ли Вам поговорить с Шушнигом?

Шмидт: Да, примерно через час канцлер вышел, информировал меня о ситуации и советовался со мной...

Додд: Скажите нам, что он Вам тогда сказал?

Шмидт: Он сначала охарактеризовал атмосферу, резкость тона и ультимативный характер сделанных предложений.

Додд: Попробуйте рассказать нам, что он говорил Вам, если Вы помните. Что он говорил Вам о той атмосфере, в которой велись переговоры, и о тоне самого разговора: Вот, что мы хотим знать.

Шмидт: Он начал с того, как его встретили. Он сказал, что Гитлер упрекал его в том, что он не немец и что Австрия не проводит германскую политику. Так всегда было еще во времена Габсбургов. Гитлер обвинил в этом также австрийских католиков. Австрия всегда вставляла палки в колеса всякому национальному движению, это продолжается и по сей день. Тут Гитлер упомянул о том, что Австрия не вышла из Лиги наций. Затем произошел очень резкий разговор между Гитлером и Шушнигом, причем у Шушнига создалось впечатление, что делаются нападки лично на него. Я не помню те-

перь подробностей. Во всяком случае, по словам канцлера, атмосфера была крайне напряженной.

Додд: Я полагаю, что Вы там обедали в полдень или несколько позже?

Шмидт: После этой беседы в 12 часов или в половине первого был обед. Там опять установилась совершенно нормальная атмосфера, так что за это время буря утихла.

Додд: Шушниг был, что называется, ярым курильщиком?

Шмидт: Когда? Тогда или вообще?

Додд: Я хочу сказать, именно в то время, конечно.

Шмидт: Разумеется, Шушниг очень много курил.

Додд: Мы слышали, что в тот день во время совещания ему запретили курить, и Вы просили Риббентропа, чтобы ему разрешили выкурить одну сигарету. Верно ли это или это выдумка?

Шмидт: Нам было сказано, что в присутствии Гитлера не следует курить, — это правильно. Я искал все время случая дать канцлеру возможность выкурить хотя бы одну сигарету. Я не помню, просил ли я об этом Риббентропа, так как эта деталь не представляется мне важной.

Додд: Скажите, говорил ли Вам после этого совещания Шушниг, что Гитлер потребовал назначения Зейсс-Инкварта министром государственной безопасности?

Шмидт: Да, это был один из пунктов программы требований.

Додд: Предложенной Гитлером?

Шмидт: Да.

Додд: Требовал ли он также, чтобы Глейзе-Хорстенау был назначен военным министром?

Шмидт: Да, это было вторым требованием.

Додд: Требовал ли он также, чтобы некоторые студенты, исключенные из университетов Австрии, были вновь приняты в них?

Шмидт: Да, все отчисленные студенты должны были быть прощены и опять приняты в университеты.

Додд: А также чтобы некоторые уволенные чиновники были восстановлены на своих должностях?

Шмидт: Да, это тоже.

Додд: Во-вторых, чтобы некоторые полицейские чиновники Австрии были также восстановлены на своих постах?

Шмидт: Это предусматривалось главой “Амнистия”. Уволенные чиновники исполнительных органов должны были быть восстановлены на работе.

Додд: Выдвигались ли также требования относительно обмена валюты и таможенной унии?

Шмидт: Да, обсуждались также экономические требования в таком духе; о таможенной унии не говорилось, но эти требования вплотную подходили к ней.

Додд: Как только Шушниг услышал о предъявляемых Вам требованиях, Вы почувствовали, что совещание вышло за пределы соглашения между фон Папеном и Шушнигом, — не так ли? Вы тотчас же убедились в этом?

Шмидт: Да, программа шла дальше, чем мы предполагали. Это верно. Я не знаю, ознакомился ли фон Папен предварительно с этой программой. Предполагаю, что нет.

Додд: Я Вас не об этом спрашиваю, но хорошо, если Вы хотите что-либо сказать о фон Папене, то — пожалуйста; однако мой вопрос заключается в следующем: не пошли ли Вы немедленно к фон Папену или Шушнигу и не сказали ли Вы: “Здесь происходит совсем не то, ради чего мы, по Вашим словам, сюда приехали”. Не было ли у Вас подобного разговора с ним во время одного из этих перерывов?

Шмидт: Конечно, мы говорили в этом смысле, что программа идет дальше, чем мы предполагали.

Додд: Что сказал фон Папен?

Шмидт: У нас создалось впечатление, что фон Папен сам был неприятно поражен некоторыми пунктами.

Додд: Не предлагал ли он Вам, чтобы Вы согласились на требования Гитлера?

Шмидт: После того, как мы добились некоторых уступок, Папен посоветовал нам принять требования в их окончательном виде, так как, по его мнению, следовало прийти к соглашению. Шушниг дал на это свое согласие, потому что он не хотел уезжать без результатов, чтобы не осложнять положения Австрии.

Додд: И Гитлер согласился распустить новую национал-социалистскую партию в Австрии, — не так ли? Не уверял ли он Вас в том, что он это сделает?

Шмидт: Да.

Додд: И что он отзовет доктора Тафса и Леопольда — лидеров нацистской партии в Австрии?

деров нацистской партии в Австрии?

Шмидт: Да.

Додд: И Вы согласились также назначить Зейсс-Инкварта министром безопасности?

Шмидт: Канцлер согласился на это.

Додд: И Вы согласились с тем, чтобы такие лица, как Фишбок и Вольф, были приняты на работу в австрийскую прессу?

Шмидт: Их приходилось принять — Фишбока в министерство торговли, а Вольфа — в отдел печати. О том, в какой форме это будет сделано, ничего не говорилось.

Додд: Вы также согласились попытаться принять некоторых национал-социалистов в “Отечественный фронт”, привлечь их к вашей политической программе?

Шмидт: Выражение привлечь “некоторых нацистов в “Отечественный фронт” не подходит к тогдашней ситуации. Это был вопрос о включении националистской оппозиции в “Отечественный фронт” и об участии всей этой группы, таким образом, в политической жизни страны.

Додд: Гитлер заявил Вам, что Вы должны принять его условия до 15 февраля, не так ли?

Шмидт: Да.

Додд: И он сказал Вам, что, если Вы этого не сделаете, он применит силу?

Шмидт: Да, это был ультиматум. Гитлер заявил, что он намеревается уже в феврале вступить в Австрию и делает последнюю попытку избежать этого.

Додд: А что делали эти генералы? Люди, вроде подсудимого Кейтеля? Действительно ли они входили и выходили во время совещания?

Шмидт: Генералов неоднократно вызывали на это совещание.

Додд: Не опасались ли Вы и Шушинг, что Вас арестуют или расстреляют?

Шмидт: Да, мы опасались, что мы не выберемся, но не боялись, что нас расстреляют.

Додд: Припоминаете ли Вы, что когда Вы и Шушнинг уезжали из Берхтесгадена, Шушнинг сказал Вам, что, когда Гитлер вызвал Кейтеля, то он, Шушнинг, подумал, что пришел конец? Вы помните, что Шушнинг говорил Вам об этом, и Вы ответи-

ли, что Вы тоже испугались.

Шмидт: Я не понимаю вопроса.

Додд: Вы помните, что Шушник говорил Вам на обратном пути в Вену о том, что когда вызвали Кейтеля, то он испугался и боялся, что его расстреляют или арестуют, и, Вы в свою очередь заявили Шушнику, что Вы тоже очень испугались, думая, что пришел конец, или что-то в этом роде?

Шмидт: Нет, я не помню этого разговора. О расстреле не было и речи, но мы боялись. Канцлер тоже считал, что мы не выберемся оттуда, если переговоры не увенчаются успехом.

Додд: Что делал фон Папен в то время как генералы входили и выходили во время совещания. Видел ли он это так же, как и Вы?

Шмидт: В это время происходила оживленная беседа, и теперь, через восемь лет, очень трудно сказать, что он тогда делал.

Додд: Вас там было не так много, всего шесть или восемь человек. Они все стояли вместе или как это было?

Шмидт: Не всегда все были вместе в этой комнате. Бывали различные комбинации: одни приходили, другие уходили.

Додд: Разрешите мне поставить Вам вопрос так; разве фон Папен мог не видеть этих генералов там в тот день?

Шмидт: Он должен был видеть их в тот день, когда мы там были.

Додд: Фон Риббентроп сказал Вам, что Гитлер очень рассержен, не так ли?

Шмидт: Мы все так думали.

Додд: И он, конечно, настаивал на том, что будет лучше как для Вас, так и для Шушника, если Вы примете поставленные условия, не так ли?

Шмидт: Во всяком случае, Риббентроп не участвовал в оказании на нас давления. Он отстаивал немецкие требования, но не оказывал давления. Я об этом уже тогда сказал канцлеру.

Додд: Значит, положение было таково: фон Риббентроп играл в любезность, в то время как Гитлер играл роль злодея, а Вас и Шушника посылали от одного к другому?

Шмидт: У меня создалось впечатление, что Риббентроп недостаточно хорошо был знаком с материалом и, уже поэтому, был довольно сдержан.

Додд: Это интересно, но совсем не ново на этом процессе.

Но, во всяком случае, не является ли фактом то обстоятельство, что Вами, так сказать, жонглировали, посылая от “доброго” Риббентропа к “злодею” Гитлеру.

Шмидт: Это неверно. Ситуация была совсем не такой. Мы с Риббентропом должны были обсудить детали. Гитлер сказал, что о подробностях нужно договориться в кругу специалистов.

Додд: Может ли так случиться, что Вам еще до сих пор не все ясно? Вы уверены, что положение не было таковым, или, быть может, Вы просто еще до сих пор не уяснили себе, какова была обстановка?

Шмидт: Что не уяснили?

Додд: Каково было положение вещей, что Вам приходилось маневрировать между “добрым гением” и “злодеем”?

Шмидт: Нет.

Додд: Хорошо, если Вы не понимаете, то я считаю, что нет смысла продолжать об этом разговор.

До какого часа Вы там оставались в тот день и когда Вы уехали из Берхтесгадена?

Шмидт: Я уехал поздно, насколько помню, между 9 и 10 часами вечера.

Додд: Когда Вы вернулись в Вену, сообщили ли Вы Зейсс-Инкварту о том, что происходило на совещании в Берхтесгадене?

Шмидт: Сначала состоялась беседа между Цернатто и Зейсс-Инквартом, во время которой я детально информировал обо всем Цернатто и Зейсс-Инкварта, а Цернатто получил сведения и от канцлера и от меня. Я пришел к концу этого разговора, когда все главное уже было рассказано, и речь шла о деталях.

Додд: Вы заявили Трибуналу сегодня утром, что Зейсс-Инкварт сказал Вам, что он хочет сохранить некоторую независимость Австрии, во всяком случае, какую-то видимость независимости. Вы не поверили этому, когда он Вам об этом говорил, не правда ли?

Шмидт: Я не могу ответить на этот вопрос ни да, ни нет. Я ответил отказом на его предложения и не стал больше ломать себе голову над политическими концепциями Зейсс-Инкварта, так как не хотел участвовать в правительстве. Его предложение следовало считать вполне серьезным.

Додд: Вы сформулировали свой отказ определенно, не так

ли? Что Вы говорили относительно того, что Вы хотите действовать искренно и порядочно?

Шмидт: Я сказал тогда, что поддерживаю канцлера Шушнига, что я по-прежнему следую законам порядочности и верности, и что я уйду вместе с Шушником.

Додд: Не употребили ли Вы выражение: “Я все еще верю, что должно поступать правдиво и порядочно”?

Шмидт: Нет. Я сказал: “Я следую законам верности“, порядочности. Я шел вместе с канцлером Шушником и уйду вместе с ним”. Нужно было знать мое отношение к канцлеру, тогда было бы ясно, что я не мог действовать иначе.

Додд: Нет, я и не говорил этого. Я лишь стараюсь доказать, что Вы сами употребили такие выражения, отвергая предложения Зейсс-Инкварт, которые указывают на то, что Вы не считали его правдивым, преданным и порядочным человеком. Не так ли?

Шмидт: Я этого не сказал, я просто привел причины, по которым я отклонял его предложения. Разница заключалась уже в том, что я был в дружеских отношениях с канцлером.

Додд: Вы знаете, что у нас имеются показания, данные Вами под присягой в Вене, в которых Вы заявляете, — Вы помните, что Вы сказали там судье, — что Зейсс-Инкварт принимал участие в насильственном отстранении Шушнига?

Шмидт: Да, я заявил, что не могу войти в правительство Зейсс-Инкварт, так как оно, в конечном итоге, разделяло ответственность за отстранение от власти правительства Шушнига.

Додд: Да, но все дело в том, могли ли Вы, зная Зейсс-Инкварт и то, что он работал в тесной связи с нацистами, а также после всего, что Вы узнали в Берхтесгадене, серьезно заявлять Трибуналу, что Вы действительно верили Зейсс-Инкварту, когда он говорил, что он хочет сохранить в какой-то мере независимость Австрии?

Шмидт: Я уже тогда в этом сомневался, как сомневаюсь и до сих пор. Каковы были его замыслы, я не могу сказать.

Додд: Я Вас об этом не спрашиваю. Я спрашиваю Вас, что Вы думали об этом? У Вас был разговор с подсудимым фон Папеном о Зейсс-Инкварте несколько лет назад, не так ли?

Шмидт: Да.

Додд: Расскажите Трибуналу, где и когда эта беседа про-

исходила?

Шмидт: Я встретился с фон Папеном в Турции поздней сенью 1943 года. Разговор зашел о событиях 11 марта 1938 г. Папен, весьма критически отозвался об этих событиях и о Зейсс-Инкварте, так как он ничего не сделал для защиты интересов Австрии, а также ничего не сделал для немецкого народа. У меня создалось впечатление, что Папен был против насильственного разрешения австрийского вопроса, то есть против того, что произошло.

Додд: Я хочу, чтобы Вы сообщили Трибуналу, что именно сказал фон Папен о Зейсс-Инкварте? Это ведь было в 1943 году, не правда ли, — а не в 1940 году. Это было, когда Вы были в Турции, где также был и фон Папен, или он там не был в то время?

Шмидт: Да! да!

Додд: Может быть, я могу помочь Вам немного, если Вы забыли. Не говорил ли фон Папен, что он не подал бы руки Зейсс-Инкварту?

Шмидт: Да, это он заявил. Он сказал, что через некоторое время после аншлюса он отказался подать руку Зейсс-Инкварту в связи с событиями 1938 года.

Додд: И он говорил, что его поведение было совершенно невозможным? Не так ли именно выразился фон Папен, когда говорил о Зейсс-Инкварте?

Шмидт: Да, именно в такой форме он и выразился.

Додд: Что еще он говорил? Вы заявили там, в Вене, что фон Папен, говоря о Зейсс-Инкварте и о его поведении в марте 1938 года, употреблял самые резкие выражения? Я считаю, что Трибуналу это будет интересно, и я хочу, чтобы Вы рассказали об этом как можно точнее. Эта беседа между Вами и фон Папеном имела место всего три года тому назад, а Вы нам сказали о ней всего несколько слов.

Шмидт: Он говорил очень резко о том, что Зейсс-Инкварт не выступил на защиту Австрии и ничего не сделал для того, чтобы ее спасти, сбросить ее самобытность и сохранить ее интересы. Это была основная мысль Папена. Вторая мысль была та, что, и Германия не извлекла для себя никакой пользы. Благодаря той форме, в которой все это было проделано, законные интересы Германской империи предстали в ложном свете перед всем миром и, таким образом, был нанесен ущерб внешне-

политическим интересам империи. Такова была его главная мысль, и, по-моему, то же самое он говорил многим другим.

Додд: Я боюсь, что мы отклонились от темы о Берхтесгадене, и я опустил один вопрос, имеющий, возможно, некоторое значение. Помните ли Вы — мне кажется, это было незадолго до того, как закончилось совещание, — что Гитлер повернулся к фон Папену и сказал ему: “Фон Папен, Вы дали мне возможность стать канцлером, и я этого никогда не забуду”. Вы слышали, как Гитлер сказал это фон Папену в тот день в Берхтесгадене?

Шмидт: Да, подобное заявление было сделано.

Додд: А что сказал Папен?

Шмидт: Я этого уже не помню.

Додд: Он сказал: “Да, мой фюрер”, или, очевидно, что-то в этом роде, не так ли?

Шмидт: Да! Я предполагаю, что он ответил что-либо подобное, так как на такое обращение и следовало дать такой ответ.

Додд: Но он, конечно, не отрицал самого факта, не правда ли?

Шмидт: Не думаю. Но я точно не помню ответа, я помню только вопрос.

Додд: В ту ночь в Вене, когда члены СС и СА врывались в окна и двери резиденции канцлера, принимал ли Зейсс-Инкварт какие-нибудь меры, чтобы воспрепятствовать этому?

Шмидт: Насколько мне известно, нет. Впрочем, я этого не знаю; я находился в другом конце здания.

Додд: Да, положение было очень напряженным, насколько нам известно. Скажите, Вы действительно опасались того, что Шушнику будет причинен какой-нибудь вред?

Шмидт: Ситуация была очень напряженной.

Додд: На чем Вы и Шушник поехали той ночью домой из канцелярии?

Шмидт: Мы поехали домой в трех машинах. В одной ехал канцлер, в другой — президент и затем — я. Отъезд был организован эсэсовцами, которые нас сопровождали.

Додд: Но Зейсс-Инкварт не повез Шушника домой на своей собственной машине. Его повезли домой эсэсовцы, не так ли?

Шмидт: Нет, они поехали вместе, и я сам слышал, как Зейсс-Инкварт сказал, что отвезет Шушника домой. Чья это была машина — канцлера или Зейсс-Инкварта — я не знаю.

Во всяком случае, они поехали вместе в одной машине.

Додд: В сопровождении членов СС?

Шмидт: Нет, это не так. Я не знаю, были ли в машине канцлера эсэсовцы. Эсэсовцы эскортировали нас при выезде из здания, но их не было ни в моей машине, ни в машине президента.

Додд: Это нечто иное, чем то, что Вы сообщили суду в Вене. Там Вы заявили: “Доктор Шушниг и я были доставлены домой в сопровождении эсэсовцев”.

Шмидт: Нет, я сказал, что эсэсовцы эскортировали или сопровождали нас при выезде с Балльхаузплац. Их там было около 40 человек. Остался ли кто-нибудь из них после этого в машинах, я не помню. Они руководили отъездом.

Додд: Вы, вероятно, сможете помочь нам выяснить еще один вопрос. Когда Зейсс-Инкварт произносил свою речь по радио, он еще не был членом правительства, не так ли?

Шмидт: Об этом много спорили. Канцлер подал в отставку во второй половине дня. Президент сначала не принял отставку. Таким образом, Шушниг оставался еще канцлером, а Зейсс-Инкварт — министром. Была ли принята отставка позднее, я не могу сказать. Одни считают, что президент поручил канцлеру, а вместе с ним и Зейсс-Инкварту продолжать вести дела; другие полагают, что этого не было. На этот вопрос может ответить только сам глава государства.

Додд: Так как Вы являетесь бывшим членом правительства, то я хочу, чтобы Вы посмотрели на один документ и сказали, видели ли Вы его ранее.

Это документ ПС-4015, США-891.

В нем говорится, что президент Миклас освободил от должности не только Шушнига как федерального канцлера, но и всех других членов федерального правительства, а также всех статс-секретарей соответствующих управлений. Это было 11 марта?

Шмидт: Да.

Додд: Это указывает на то, что Зейсс-Инкварт еще не вступил в должность, когда он произносил свою речь по радио? Правильно ли мы поняли?

Шмидт: Я думаю, что у меня большой опыт в этом деле, так как я сам долго работал у президента.

Додд: Я хочу, чтобы Вы лишь точно сказали: правда это или нет? Правильно ли мы понимаем?

Шмидт: Совсем не обязательно понимать это именно так.

Подобные документы обычно задерживаются на несколько дней, проходя через бюрократическую машину и подвергаясь всевозможной технической обработке. Поэтому следовало бы специально проверить, когда фактически произошла отставка. Я думаю, что декрет был издан спустя длительное время после 11 марта.

Додд: Часто ли Зейсс-Инкварт употреблял выражение “тroyанский конь” в период, предшествовавший событиям 12 марта. Это было его обычным выражением?

Шмидт: Он несколько раз говорил, что не собирается вводить в Австрию “тroyанского коня”. Этим он хотел выразить свою лояльность и показать, что в его задачи вовсе не входит открыть лазейку в Австрию для национал-социализма.

Додд: Думали ли Вы когда-нибудь, что он слишком часто выражал свой протест?

Шмидт: Против чего?

Додд: Против того, что он “тroyанский конь”.

Шмидт: Я слышал это выражение всего два или три раза от Цернатто...

Додд: Это все, что я хотел спросить.

(Повторный допрос.)

Штейнбауэр: У меня есть только один коротенький вопрос — в связи с разбившимися сейчас событиями.

Скажите, Зейсс-Инкварт не выставил посты гвардейского батальона перед кабинетом министра?

Шмидт: Да, посты были выставлены.

Штейнбауэр: В котором часу Шушниг фактически ушел в отставку?

Шмидт: Во всяком случае, это произошло после того, как было сформировано новое правительство. Думаю, что это было между 9 и 10 часами, так как тогда президент вел серьезные переговоры по поводу кандидатуры нового канцлера, при этом речь шла, по-моему, о докторе Эндтере.

Штейнбауэр: У меня больше нет вопросов к этому свидетелю.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Документы

Документ ПС-1775

Докладная записка Кейтеля Гитлеру (Февраль 1938 г.)

Главнокомандующий обращается к фюреру с просьбой принять решение по следующим предложениям. Распоряжения будут отданы тотчас же после того, как фюрер даст конкретные указания.

1. не проводить реальных мероприятий по оперативному развертыванию сухопутных и военно-воздушных сил, не допускать перебросок войск.
2. Распространять ложные, но правдоподобные слухи и сведения, из которых можно сделать вывод о проведении подготовительных мероприятий для войны с Австрией:
 - а) через доверенных лиц в Австрии;
 - б) через таможенный персонал на границе;
 - в) через агентов-маршрутников.
3. Такими сведениями могут быть:
 - а) в 7-м армейском корпусе отменены отпуска;
 - б) В Мюнхен, Аугсбург и Регенсбург стягивается железнодорожный порожняк;
 - в) военный атташе в Вене, генерал-лейтенант Муфф, вызван на совещание в Берлин (это будет сделано на самом деле);
 - г) усилены полицейские пограничные формирования на германско-австрийской границе;
 - д) служащие таможни сообщают о предстоящем учении горно-пехотной бригады в районе Фрайлассинг, Райхенхаль и Берхтесгаден.
4. Отдать распоряжение о распространении ложных сведений в виде радиogramм в зоне ответственности VII-го войскового округа и на радионаправлении Берлин-Мюнхен.
5. Интенсифицировать проведение учений (учебные вылеты авиации, зимнее учение горно-пехотных войск) вблизи границы.
6. Адмиралу Канарису находиться с 14.02 в штабе командования VII-го войскового округа в готовности к выполнению мероприятий по приказу верховного главнокомандующего

вооруженными силами Германии.

7. Просьбу об ответе на предложения генерала Кейтеля направить через рейхсканцелярию.

Кейтель

[11. Т. 28. С. 299-300, см. также 4. С. 623]

Документ ПС-1780

**Из дневника Иодля
с 3 марта по 11 марта 1938 г.**

[...] 3.3. Вопрос об Австрии достигает критической точки. Туда должно быть командировано 100 офицеров. Гитлер хочет лично говорить с ними. Им надлежит заботиться не о том, чтобы австрийские вооруженные силы могли лучше против нас сражаться, а о том, чтобы они вообще не сражались.

4.3. Положение все больше обостряется.

[...] 10.3. Неожиданно и без консультации с министрами Шушницг назначил проведение плебисцита на воскресенье, 13 марта, что при отсутствии планомерно проведенной подготовки должно повлечь за собой выигрыш сильного большинства легитимистами. Фюрер полон решимости не потерпеть этого. Еще в ночь с 9 на 10.3 он звонит по телефону Герингу, отзывает из Каира [...] генерала фон Рейхенау, вызывает генерала фон Шоберта, а также министра Глейзе-Хорстенау, который находится у гауляйтера Бюркеля в Пфальце.

Генерал Кейтель сообщает мне об этом в 9.45. В 10.00 он едет в имперскую канцелярию. В 10.15 я также еду туда по желанию генерала фон Вибана, чтобы доставить ему старый проект подготовки "плана Отто".

13.00. Генерал Кейтель информирует начальника управления оперативного руководства и адмирала Канариса.

Риббентроп задерживается в Лондоне.

Нейрат принимает на себя министерство иностранных дел.

Фюрер желает направить австрийскому правительству ультиматум.

В адрес Муссолини направляется личное письмо, где излагаются причины, которые заставляют фюрера действовать.

18.30. Приказ о мобилизации отдается командующему 8-й армией (командование 3-й группы армий), а также 1-му и 13-му армейским корпусам, исключая армию резерва.

ВВС выделяют 300 “юнкеров” для разбрасывания пропагандистского материала, помимо этого на гражданских аэродромах стоят наготове одна истребительная авиагруппа, три бомбардировочные эскадрильи и две роты посадочно-десантных войск с транспортными самолетами.

11.3. Директива № 1 исходит от фюрера 11.3 в 2.00 без подписи, в 13 часов с подписью.

Сухопутным войскам придаются войска СС в количестве 40 000 человек, полиция и соединения “Тотенкопф” Верхней Баварии в качестве 2-го эшелона.

17.00 Морской флот отдал приказ всем судам возвратиться на родину.

18.00 Шушниг ушел в отставку. Зейсс-Инкварт – канцлер Австрии. СС и СА несут службу в форменной одежде.

[...] Переход границы на данной стадии не осуществляется. ВВС предусматривают на завтра большой вылет в психологических целях. Полицейские силы привлекаются во всех необходимых случаях и проводятся через войска.

18.35. Об этом информирован отдел обороны (L).

Уведомлены полковник Винклер и оберфюрер СС Петри.

Командование ВВС испытывает сомнение, должно ли оно приступить к тем мерам, осуществление которых еще не начато.

Решение: Да.

20.30. Генерал фон Вибан сообщает, что обстановка снова изменилась.

Вступление войск осуществляется. Фюрер не хочет давать полную власть командованию 8-й армии.

[...] Ведется подготовка и к плану “Мемель”.

После аншлюса Австрии фюрер высказывает мысль, что решение чешского вопроса не представляется ему срочным. Сначала нужно переварить Австрию.

Однако следует энергично продолжать подготовительные мероприятия к проведению плана “Грюн” (план вторжения в Чехословакию), их надо будет снова пересмотреть ввиду изменившегося стратегического положения после аншлюса Австрии.

[11. Т. 28. С. 369-372, см. также 4. С. 623-625]

Документ С-102

Директива ОКВ № 1 от 11 марта 1938 г.

Верховный главнокомандующий вооруженными силами.	Берлин, 11 марта 1938 г.
Штаб верховного главнокомандования.	Отпечатано 30 экз.
Отдел обороны страны, Ia.	Экз. № 11.
№ 420/38.	Совершенно секретно.
	Только для командования.

Директива № 1

1. Я намерен, если другие средства не приведут к цели, осуществить вторжение в Австрию вооруженными силами, чтобы установить там конституционные порядки и пресечь дальнейшие акты насилия над настроенным в пользу Германии населением.

2. Командование всей операцией в целом я принимаю на себя.

Руководствуясь моими директивами,

- главнокомандующему сухопутными войсками осуществить наземные операции силами 8-й армии в том составе, который был представлен мне на утверждение, а также приданными ей частями военно-воздушных сил, СС и полиции – в соответствии с приложением к настоящей директиве;

- главнокомандующему военно-воздушными силами организовать действия авиации в том составе, который был мне представлен.

3. Задачи.

а) Сухопутным войскам:

Вступить на территорию Австрии в соответствии с представленным мне планом. Ближайшая задача сухопутных войск – оккупировать Верхнюю Австрию, Зальцбург, Нижнюю Австрию, Тироль, быстро овладеть Веной и выставить заслон на австрийско-чешской границе.

б) Военно-воздушным силам:

Вести демонстративные действия и сбрасывать пропагандистские материалы; овладеть австрийскими аэродромами для возможного приема дополнительных сил; оказывать необходимую поддержку сухопутным войскам соответственно их запросам, а также держать боевые соединения в готовности к выполнению особых задач.

4. Выделенным для операции соединениям сухопутных войск и военно-воздушных сил находиться в походной и боевой готовности не позднее 12.00 12 марта 1938 г.

5. Войскам действовать с учетом того, что мы не хотим вести войну с братским народом. Мы заинтересованы в том, чтобы вся операция прошла без применения силы, как мирное вступление в страну, население которой приветствует наши действия. Поэтому избегать всяких провокаций. Но если будет оказано сопротивление, то сломить его с полной беспощадностью силой оружия.

6. На границах Германии с другими государствами никаких оборонных мер до особого распоряжения не принимать.

Адольф Гитлер

[11. Т. 24. С. 336-337, см. также 4. 625-626]

Документ С-103

**Особое распоряжение ОКВ № 1
от 11 марта 1938 г.**

Верховное главнокомандование
вооруженных сил.
№ 428/38.
Совершенно секретно.
Только для командования.
Отдел обороны страны, Ia.

Берлин, 11 марта 1938 г.
Отпечатано 40 экз.
Экз. № 6.
Совершенно секретно.
Только для командования.

Особое распоряжение № 1

в дополнение к директиве верховного главнокомандующего вооруженными силами (№427/38. Совершенно секретно. Только для командования. Отдел обороны, Ia), от 11 марта

1938 г.

Инструкция
о действиях при встрече с чехословацкими и итальянскими регулярными войсками или милицией

1. В случае встречи с чехословацкими регулярными войсками или милиции на территории Австрии рассматривать их как противника.

2. Итальянцев повсеместно приветствовать как друзей, тем более что Муссолини объявил о своем невмешательстве в решение австрийского вопроса.

По поручению начальника штаба
верховного главнокомандования
Иодль

[11. Т. 34. С. 337, 338, см. также 4. С. 626]

Документ С-182

**Директива Гитлера от 11 марта 1938 г.
о проведении операции “Отто”**

Секретно.

Верховный главнокомандующий
вооруженными силами

Только для командования
Берлин, 11 марта 1938 г.
20 часов 45 минут

ОКВ Отдел обороны страны, Ia.
№ 427/38 секретно.
Только для командования

35 экземпляров
6-й экземпляр

По вопросу: операция «Отто»

Директива № 2

1) Требования, содержащиеся в германском ультиматуме, австрийским правительством не выполнены.

2) Австрийские вооруженные силы получили приказ отступить перед германской армией после ее вступления в Ав-

стрию и избегать вооруженного столкновения с ней.

Австрийское правительство сложило свои полномочия.

3) Во избежание дальнейшего кровопролития в австрийских городах наступление германских вооруженных сил на Австрию начнется 12.3 на рассвете согласно директиве № 1.

Ожидается, что будут приложены все силы для быстрейшего достижения намеченных целей.

Адольф Гитлер

Разослано:

тем же, что и директива № 1

[11. Т. 34. С. 774, см. также 4. С. 627]

Комментарии

Бергер Вальденегг Эгон - государственный деятель Австрии, дипломат, министр иностранных дел в 1934 г.

Бломберг Вернер Эдуард Фритц - германский военный деятель, фельдмаршал, в 1932 г. возглавлял германскую делегацию на конференции по разоружению, военный министр в правительстве Шлейхера и в правительстве Гитлера (1933-1938), а с 1935 г. одновременно главнокомандующий вермахта. Принимал активное участие в подготовке Германии к войне, составлении и реализации агрессивных планов гитлеровцев.

Браухич Вальтер - военный деятель нацистской Германии, фельдмаршал, с февраля 1938 г. по декабрь 1941 г. главнокомандующий сухопутными силами Германии. Принимал активное участие в разработке планов и осуществлении аншлюса Австрии, расчленения и захвата Чехословакии, агрессии против Польши, Дании, Норвегии, Франции, СССР и др. стран.

Буллит Уильям Кристиан (1891-1967)- дипломат США, в 1933-1936 г. посол США в СССР, с 1936 по 1940 г. посол во Франции, выступал за умиротворение агрессоров, проводил враждебную СССР линию. В 1940-1942 гг. – посол по особым поручениям, в 1942-1944 гг. – специальный помощник министра ВМС США.

Бюркель Йозеф - нацистский гаулейтер, будучи имперским уполномоченным, принимал активное участие в подготовке и осуществлении аншлюса Австрии.

“Власть над Бреннером” - речь идет о контроле над Бреннерским перевалом, одним из самых низких и удобных для пересечения Альп. Еще в глубокой древности служил для сообщения между Центральной и Южной Европой. Через перевал проведена железнодорожная линия, соединяющая Австрию с Италией.

Габихт Теодор - Нацистский функционер, ландеслейтер в Мюнхене, один из организаторов убийства Дольфуса, нацистский агент в Австрии в период подготовки там аншлюса.

Галифакс Эдуард Фредерик Вуд (1881-1959) - британский государственный деятель и дипломат, в 1935-1937 гг. — лорд-хранитель печати, в 1937-1938 гг. - лорд-председатель Совета, в 1938-1940 гг. - министр иностранных дел, один из наиболее активных проводников курса на умиротворение агрессоров. В 1941-1946 гг. — посол Великобритании в США.

Генлейн Конрад (1898-1945) - лидер фашистской Судето-немецкой партии в Чехословакии, созданной им по инициативе Берлина. В 1939-1945 гг. — рейхскомиссар оккупированной нацистской Германией Судетской области. Организатор террора в отношении тех, кто выступал против диктата нацистов. Покончил жизнь самоубийством.

Геринг, Герман Вильгельм (1893-1946) — немецкий политический и государственный деятель. “Нацист номер два”, второй после Гитлера военный и экономический руководитель Третьего рейха. В июле 1932 г. становится председателем рейхстага. В январе 1933 г. сыграл решающую роль в назначении Гитлера на пост рейхсканцлера. В составе нового кабинета — рейхсминистр, председатель рейхстага, министр внутренних дел Пруссии и комиссар по делам авиации. С 1 марта 1935 г. главнокомандующий военно-воздушными силами Германии. 30 августа 1939 г. назначен председателем Имперского совета по обороне. 19 июня 1940 г. удостоен звания рейхсмаршала. В 1946 г. приговорен к смертной казни Международным военным трибуналом в Нюрнберге. 15 октября 1946 г. за два часа до повешения принял яд.

Глейзе-Хорстенау Эдмунд - один из лидеров австрийских национал-социалистов, министр без портфеля и министр внутренних дел в правительстве Шушнига.

Глобочник О. - нацистский гаулейтер, обергруппенфюрер СС, руководитель СС и СД в г. Люблине, один из главных исполнителей злодеяний, совершенных в концлагере Майданек.

Дарре Рихард Вальтер - один из руководящих деятелей нацистской Германии, “рейхсбауэрнфюрер”, т.е. имперский руководитель крестьянства, с 1933 г. – министр продовольствия и сельского хозяйства.

Дитрих Отто - приближенный Гитлера с 1929 г., с 1931 г. руководитель прессы в системе НСДАП, в 1937-1945 гг. – имперский руководитель прессы в системе правительства и статс-секретарь министерства пропаганды. В 1949 г. был приговорен американским военным трибуналом к 7 годам тюремного заключения, но в 1951 г. освобожден.

Додд Уильям Эдвард (1869-1940) - американский историк и дипломат, профессор университета в Чикаго (1908-1933), посол в Германии (1933-1937), убежденный антифашист, противник курса “умиротворение” агрессоров. Ввиду несоответствия его убеждений курсу госдепартамента был отозван из Берлина и заменен Х. Вильсоном, сторонником политики “умиротворения” Германии.

Дольфус, Энгельберт (1892-1934) — австрийский политический деятель. 13 мая 1932 г. избран канцлером Австрии и одновременно стал министром иностранных дел. Тяготел к режиму клерикально-националистической диктатуры, протестовал против аншлюса. 25 июля 1934 г., при нападения эсэсовцев, переодетых в австрийскую форму, был тяжело ранен. Скончался от потери крови.

“Закон об обороне империи” - принят нацистским правительством 21 мая 1935 г., но держался в тайне. В нарушение Версальского договора санкционировал создание мощной военной промышленности и производство в широких масштабах вооружения. Создавалось ведомство уполномоченного по вопросам военной экономики, которое должно было координировать деятельность других ведомств по экономической подготовке войны. Во главе этого органа был поставлен Шахт, в 1937 г. – Функ.

“Закон об организации вооруженных сил” - принят на-

цистским правительством 16 марта 1935 г. в нарушение Версальского договора. Вводил всеобщую воинскую повинность, увеличивал армию до 12 корпусов и 36 дивизий.

Канарис Фридрих Вильгельм - адмирал, глава Абвера – разведки и контрразведки верховного командования вермахта, был связан с американской разведывательной службой, поддерживал связи с участниками верхушечной оппозиции.

Кепплер Вильгельм - группенфюрер СС, с 1932 г. – советник Гитлера по вопросам экономики, статс-секретарь нацистского МИД, один из организаторов захвата Австрии.

Клауснер Одило - руководитель национал-социалистической организации в Австрии, ландеслейтер, один из организаторов аншлюса.

Леопольд Йозеф - один из лидеров австрийской национал-социалистической партии, поддерживал тесные контакты с нацистами.

Нейрат, Константин фон (1873-1956) — барон, Германский политический деятель, дипломат. В 1922-1930 гг. посол в Риме; с октября 1930 по май 1932 г. посол в Лондоне. Входил в состав германской делегации на Лондонской конференции (1932), где добивался полной отмены репараций с Германии. В январе 1933 г. министр иностранных дел в первом кабинете Гитлера. Летом 1936 г. участвовал в переговорах с представителями Италии и Японии, что привело к подписанию “Стального пакта” о военном сотрудничестве (25 октября 1936), а месяц спустя — к заключению “Антикоминтерновского пакта”. Проводил политику “германизации” Чехословакии. В мае 1945 г. арестован. Международным военным трибуналом в Нюрнберге приговорен к 15 годам тюремного заключения. Освобожден из тюрьмы Шпандау в 1954 г.

Пангерманизм - реакционная шовинистическая доктрина агрессивных кругов германской буржуазии и юнкерства, проповедующая необходимость установления мирового господства Германии. Появилась в 80-х годах XIX в. и была взята на

вооружение нацистами.

Риббентроп, Иоахим фон (1893-1946) — германский дипломат, ближайший советник Гитлера по проблемам внешней политики. Подписал англо-германское морское соглашение (1935). 11 августа 1936 г. назначен послом в Великобританию; с 4 февраля 1938 г. министр иностранных дел. В августе 1939 г. подписывает с Молотовым договор о ненападении между СССР и Германией. Дипломатически обосновывал все политические акции рейха в ходе второй мировой войны. В апреле 1945 г. скрывался в Гамбурге. 14 июня 1945 г. арестован англичанами. По приговору Нюрнбергского суда повешен 16 октября 1946 г.

События 25 июля 1934 г. - речь идет о путче австрийских нацистов, в результате которого был убит глава австрийского правительства Э. Дольфус - один из лидеров христианско-социальной партии, ориентировавшейся во внешней и внутренней политике на Италию. Путч был предпринят по приказу из Берлина.

“Фольксдейче Миттельштелле” - агентство, ведавшее вопросами, касающимися немцев вне Германии. Возглавлялось группенфюрером СС Лоренцем. “Фольксдейче Миттельштелле” наряду с “Национальным союзом немцев, живущих за границей” (ФДА), “Союзом немцев Востока” (БДО) составляли широко разветвленную сеть специальных организаций нацистской партии, которые вели подрывную и шпионскую деятельность в Европе.

Чемберлен, Артур Невилл (1869-1940) — английский государственный деятель, консерватор. В 1937-1940 гг. премьер-министр. Фактически санкционировал гитлеровские планы захвата Австрии, Чехословакии, Данцига (ноябрь 1937). В апреле 1938 г. подписал с Италией договор, в соответствии с которым Англия признала оккупацию Эфиопии и не препятствовала продолжению итальянской интервенции в Испании. Один из главных авторов Мюнхенского соглашения (сентябрь 1938). 30 сентября 1938 г. подписал англо-германскую декларацию о ненападении. В мае 1940 г., после поражения английских

войск в Норвегии и германского вторжения в Бельгию и Голландию, ушел в отставку с поста премьера, но оставался некоторое время в составе правительства Черчилля в качестве лорда-председателя совета.

Чиано Галеаццо (1903-1944) - дипломат, министр иностранных дел фашистской Италии. Активно участвовал в организации интервенции в Испании, создании "оси Берлин-Рим", заключении Тройственного пакта 1940 г., подготовке агрессии Италии против Албании, Греции, СССР. С 1942 г. склонялся к сепаратному миру с США и Великобританией. В феврале 1943 г. снят с поста министра иностранных дел и назначен послом в Ватикан. За участие в заговоре против Муссолини расстрелян фашистами в январе 1944 г.

Библиография

1. Вторая мировая война 1939-1945 гг.: В 12 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1974.
2. Вторая мировая война: краткая история. М.: Наука, 1984.
3. Картье Р. Тайны войны: По материалам Нюрнбергского процесса. Саратов: Поволжская академия государственной службы, 2000.
4. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1988.
5. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
6. Хибберт К. Бенито Муссолини: Биография: Пер. с англ. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
7. Черчилль У. Мускулы мира. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
8. Шпеер А. Воспоминания: Пер с нем. Смоленск: Русич, 1998.
9. Benoist-Mechin J. Histoire de l'Armee Allemande. Vol. IV, V. L'expansion. 1937-1938. Paris, 1964.
10. Jones T. A Diary with Letters. 1931-1950. London, 1954.
11. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 14 November 1945 – 1 October 1946, Vol. 2, 3, 16, 24, 25, 28, 31, 34. Nuremberg, 1949.
12. Wagner D., Tomkowitz G. "Ein Volk, ein Reich, ein Fuhrer!" Der Anschluss Osterreichs. 1938. Munchen, 1968.